

INSPIRIA

ДЕББИ ХЕРБЕРТ

КАКОГО ЦВЕТА СЛОВО «ЛОЖЬ»?

НЕ
ЛГИ
МНЕ

INSPIRIA

Дебби Херберт

Не лги мне

Серия «Ток. Мировой бестселлер»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68012792
Не лги мне: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-174030-6*

Аннотация

От автора бестселлеров USA TODAY, Publisher's Weekly и Washington Post.

Что, если бы вы могли точно знать, когда человек лжет?

Джори Траан может. Она обладает редкой формой синестезии: способностью слышать в цвете. Каждый тембр и нюанс голоса для нее так же уникален, как отпечатки пальцев. Она – настоящий детектор лжи. А еще она та, кто первой узнала о загадочном исчезновении семьи Кормье.

Тринадцать лет назад, когда Джори пришла домой к своему парню, Дикону, опаздывающему на выпускной, она обнаружила ярко освещенные комнаты и накрытый к ужину стол. И окровавленный цветочек из бутоньерки, которую влюбленный юноша собирался ей подарить. Но ни самого Дикона, ни его родителей там не было. Их так и не нашли. Вся семья исчезла бесследно...

И теперь, спустя много лет вернувшись в родной городок, Джори собирается использовать свой дар, чтобы узнать правду о случившемся. Ведь она слишком хорошо знает, какого цвета слова «ЛОЖЬ», «СМЕРТЬ», «РАСПЛАТА»...

«Те, у кого есть вкус к южной готике, будут удовлетворены». – *Publishers Weekly*

«Какое удовольствие было погрузиться в эту историю, битком набитую густой, влажной атмосферой американского юга и подлинными, яркими персонажами! Позволить ей втянуть меня в глубокий омут из нераскрытых убийств, грязных копов и семьи, раздираемой чувством вины и отчаянной потребности друг в друге. Энгима – город, который хочется посещать снова и снова. Эта книга просто сногшибательна». – *Эмили Карпенгер*

«Тайна, предательство, убийство... Дебби Херберт плетет многослойную интригующую историю с уникальными и незабываемыми персонажами. Не пропустите!» – *Дебра Уэбб*

«Искусно сплетенная история, богатая южными секретами и ложью, которая будет держать вас на крючке до самой последней страницы». – *Элиза Максвелл*

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	62
Глава 5	75
Глава 6	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дебби Херберт

Не лги мне

*Как всегда, посвящается моему мужу Тиму,
который неукоснительно в меня верит
и поддерживает мои мечты, подбадривая
и помогая идти вперед, даже когда
я сама в себя не верю и готова сдаться.
Спасибо тебе.*

*Также посвящается Дж. В. Гейни,
моему отцу и самому преданному фанату,
который восхваляет меня перед каждым
встречным.
Огромное спасибо.*

Debbie Herbert
Not One of Us

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение

и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Text copyright © 2021 by Debbie Herbert +

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Сухляева В. Р., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2022

Глава 1

Джори

Май 2006 года

Лунный свет струился сквозь искривленные, угловатые ветви сосен и болотных кипарисов, и черные тени падали на посеребренную землю. Какофония звуков, издаваемых разнообразной живностью, вызывала в сознании фантазмагорическое световое представление, напоминавшее диснеевскую «Фантазию»¹.

У моей синестезии² – цветного слуха – есть преимущества. Перед мысленным взором на черном холсте вспыхивали разноцветные фигуры: жужжание комаров превращалось в пятиконечные звезды, а от затянувшей песнь лягушки вырисовывались столбы.

Однако удовольствие от мешанины звуков и цветов портило злость. А еще обида. Мой парень, Дикон Кормье, вне-

¹ «Фантазия» – полнометражный музыкальный мультипликационный фильм, созданный компанией Уолта Диснея (1940).

² Синестезия (греч. – «одновременное ощущение») – неврологический феномен, при котором сигнал от одного органа чувств вызывает произвольную реакцию в другом. Не является расстройством.

запно забил на совместные планы, и я твердо решила выяснить причину такого поступка.

Как и многие старшеклассники из нашей школы, по пятницам мы с ним ходили в бар «Павильон Бруссара». Нам обоим нравилось, как там исполняли зазорный зайдеко³ на аккордеоне, стиральной доске и гитаре. Я мгновенно раскрепощалась, стоило Дикону утянуть меня в танец. Ну, танцем наши телодвижения можно было назвать с натяжкой – мы скорее топтались по залу без особого изящества, зато с большим запалом.

...Я шагала по сырой земле наших болотистых краев, даже не пытаясь соблюдать тишину, – под ногами громко трещали ветки и шишки. Приходилось отмахиваться от стеблей и усиков виноградных лоз, которые упорно и злобно заплетали тропинку к дому, сколько б их ни подстригали. У местных лесов особый темперамент, не подвластный никому. Приезжий Луи Кормье не понимал ни особенностей земли, ни ее характера. Однако уроженцы юга Алабамы знали свое место – они лишь незваные гости там, где болото безраздельно господствует над простыми смертными.

– Да чтоб тебя! – громко выругалась я, когда ветка глицинии оцарапала щеку и шею. Меня не волновало, сколько шума я создаю, – с чего бы? Все мысли занимал предстоящий разговор с моим парнем.

³ Зайдеко – музыкальный стиль, зародившийся среди креольского населения на юго-востоке США, в штате Луизиана.

Наконец впереди забрезжил свет. Массивное сооружение из бревен, бетона и стекла светилось так, словно изнутри его озаряла упавшая с неба звезда.

Мы с Диконом встречались уже полтора года, но его дом по-прежнему приводил меня в восторг. Величественный особняк с белыми колоннами разительно отличался от нашего старого домика. Например, нам с мамой приходилось спать в одной комнате. Мистер Кормье был известным адвокатом и на недостаток клиентов не жаловался. А за свои труды получал немало.

Я поднялась по деревянному крыльцу на широкую веранду. Внезапно по спине пробежал холодок тревоги: несмотря на свет, льющийся из незашторенных окон, из дома не доносилось ни звука. Ни телевизора, ни голосов, ни шагов, ни даже звона посуды на кухне. Они все уехали? Но тогда почему не выключили свет?

Моя бабушка непременно цокнула бы языком и отметила немыслимую расточительность. У нас дома свет в комнате выключали, едва переступив порог: сэкономленные на коммунальных платежах деньги позволяли побаловать себя. Например, новой одеждой.

Я заглянула в окно гостиной. На краю кофейного столика небрежно лежала стопка учебников, рядом с диваном валялась подушечка. Справа, через дверной проем, виднелся кухонный островок с грязными тарелками и стаканами. Легкий бардак не вписывался в безукоризненный порядок дома.

Этот порядок по случайному совпадению наводила моя бабушка. Она приходила по пятницам для генеральной уборки: хозяйка дома, Клотиль Кормье, по выходным принимала гостей. Приезжие любовались видами залива, однако, гуляя по окрестностям, беспокойно оглядывались в поисках аллигаторов, змей и прочих неприятных существ. Полагаю, оценив первобытную красоту наших краев, они радовались возвращению в Мобил, Монтгомери или другие ближайшие крупные города, из которых приезжали.

– Боятся заляпать свои дизайнерские туфли, – ворчала бабушка.

Злобные замечания о богачах сбивали меня с толку, ведь у ее брата, дедушки Бадди, тоже денег куры не клевали. Давным-давно он открыл туристическую базу для охотников и рыболовов. Его дело процветало и разрасталось, превосходя самые смелые ожидания. Пусть Луи Кормье и преуспел на адвокатском поприще, но до дедушки Бадди ему было далеко.

Я встряхнула головой, чтобы отогнать блуждающие мысли, и решительно постучала в дверь. Дикон обещал зайти за мной час назад. Если у него найдется веское оправдание, мы еще успеем немного потанцевать.

– Иди одна, – посоветовала мне Ба незадолго до этого. – У богачей ужасные манеры. Никакого уважения к другим!

Я промолчала. Дикон вовсе не был высокомерным, и его родители мне тоже нравились, хотя в Энигме их недолюб-

ливали: Луи Кормье снискал презрение за то, что якобы мало платил своим работникам, а также за причудливый образ жизни. Клотиль же считали болтливой и вычурной. «Чужаки», – бурчали местные, неодобрительно насупившись.

...На мой стук не раздалось ни торопливых шагов, ни родного голоса, привычно кричащего: «Уже иду!»

По коже побежали мурашки от беспокойства.

Я повторно припала к окну гостиной. Ни души. Вопреки обыкновению, на этих выходных Кормье гостей не ждали. Утром бабушка поработала у них всего пару часов, а потом долго ворчала, что ей заплатят меньше обычного.

Может, семья по какой-то причине решила уехать в соседний Мобил? Иногда у Луи возникали там срочные дела, и он брал с собой жену и сына. Только почему они не выключили свет?

Предположив, что хозяева не расслышали стука, я вернулась к двери и нажала на звонок. Послышалась одинокая трель. Прижавшись носом к окну у входа, я крикнула:

– Эй! Это Джори! Есть кто-нибудь дома?

Тишина.

Я тронула ручку. Та поддалась, щелкнул замок, и тяжелая дверь со скрипом отворилась. Сунув голову внутрь, я вновь громко позвала:

– Кто-нибудь дома?

Тишина.

Я глубоко вдохнула и неуверенно переступила порог –

Кормье мне доверяли и вряд ли будут сердиться за вторжение.

Носа коснулся аппетитный запах жареной курицы – значит, они дома или ушли совсем недавно. Среди ароматов еды также улавливалась слабая нотка моющего средства. Я медленно прошла в гостиную.

На кофейном столике стояли два недопитых стакана чая со льдом. На ободке одного из них виднелся след рубиновой помады миссис Кормье. Напряженная до предела, я вошла на кухню и обнаружила стол, накрытый на троих: с тарелками вишневого цвета на золотистых салфетках, стаканами воды и миской салата с уже подувядшей зеленью. На гранитной столешнице стояла форма для запекания с остывшей картошкой. В духовке лежала слегка пережаренная курица, термостат был установлен на низкую температуру. Я его полностью выключила. Вероятно, случилось нечто, из-за чего семье пришлось ненадолго отлучиться.

Изначальное раздражение переросло в беспокойство. Может, мистер Кормье попал в больницу в Мобиле и Дикон с мамой поспешили к нему? Тогда почему Дикон не отвечал мне? Забыл взять телефон с собой? И когда они вернутся? Успеет ли Дикон к выпускному?

Перед глазами всплыло выпускное платье, висевшее на двери моей спальни, – красивое, по щиколотку, персикового цвета; на него ушла моя недельная зарплата кассира в супермаркете.

Я достала из кармана дешевый телефон-раскладушку и снова набрала его номер. Как и прежде, сразу же включилась голосовая почта. Я написала еще одно сообщение:

Я у тебя, ты где? Выключила духовку. Позвони.

Затем прошла по сияющему ореховому полу к эркеру, выходящему на задний двор и подъездную дорожку. Снаружи стояли «Понтиак Гран-при» миссис Кормье и черный «Мустанг» Дикона. По спине опять пробежал холодок. Если их машины здесь, то где же они сами?

подавив тошнотворную волну ужаса, я направилась к лестнице, снова и снова зовя хозяев. Тишина казалась злобщей и удушающей. Ступеньки скрипели от каждого осторожного шага. Я поднялась вверх и осмотрела комнату Дикона. Кровать была аккуратно застелена, все лежало на своих местах. Я пошла к выходу, однако замерла и медленно обернулась – что-то настораживало. Взгляд вновь пробежался по помещению, задержавшись на столе. И тут меня осенило – исчез лэптоп! Может, Дикон взял его с собой?

Наконец я миновала комнаты для гостей и заглянула в спальню родителей. Там тоже не было ничего необычного. У меня немного отлегло от сердца. А чего я ожидала? Окровавленные трупы? Надо меньше смотреть криминальные телепрограммы. Я торопливо сбежала вниз по лестнице и проверила мобильный – от Дикона по-прежнему никаких вестей.

Быть может, Луи позвонили и сообщили о проблемах у родственников и вся семья в спешке уехала на машине мистера Кормье? А Дикон меня не предупредил, потому что телефон разрядился? Он постоянно забывал его вовремя заряжать. Да, должно быть, именно так. Ничего страшного не случилось.

Тем не менее... жутковато. Накрытый стол, свет повсюду... Разве долго убрать еду и выключить свет?

Решив пополнить список добрых дел на сегодня, я спрятала блюда в холодильник, немного повозившись с поиском пищевой пленки. Затем вернулась в гостиную и осмотрела ее. Никаких зацепок. Вдруг краем глаза я уловила нечто блестящее на кофейном столике. Нечто, не замеченное прежде.

Рядом со стопкой учебников лежал целлофановый сверток. Я осторожно его подняла и ахнула, угадав содержимое, а затем спешно развернула пакет – от шуршания в сознании затанцевали розовые звездочки. Наконец на свет показался маленький букетик, перевязанный абрикосовой лентой: белые гвоздики венчала персиковая роза, из-под которой выглядывали крохотные белые цветочки гипсофилы. Я погладила нежные лепестки, затем поднесла цветы к носу и глубоко вдохнула; приятный аромат на мгновение унял беспокойство.

Дикон купил мне бутоньерку для выпускного. Мое лицо озарила глупая улыбка... которая почти сразу угасла под гнетом тревожных мыслей. Почему же цветы не убрали в

холодильник? Они ведь завянут. Я максимально внимательно осмотрела комнату, выискивая странности. Всё было безупречно чистым, включая полы. Вот только... Под диваном виднелись какие-то белые точки. Я опустилась на четвереньки и, присмотревшись, разглядела гипсофилу с алой крапинкой.

Как она туда попала? И что это на ней? Кончиком пальца я коснулась красной точки – она оказалась влажной, липкой – и отдернула руку, а затем уставилась на каплю крови, размазанную по коже. Возможно, Дикон случайно укололся булавкой для бутоньерки и уронил букет?

Черт, куда же он запропастился?

Глава 2

Джори

Тринадцать лет спустя

– Вот он, – сказала Дана, ткнув меня локтем в бок.

Мы сидели за столиком в «Павильоне Бруссара». С каждой минутой толпа становилась все более шумной. Пожалуй, не зря я согласилась прийти – хоть немного отвлекись от нервотрепки последних дней. Старый добрый бар буквально вибрировал уютным весельем и по-своему защищал посетителей от надвигающейся бури, которая в данный момент была лишь ветерком, колышущим сосны и кипарисы.

– Кто? – практически прокричала я в ухо подруге.

Дана кивнула на противоположную сторону бара:

– Рэй Стрикленд.

Имя звучало знакомо. И хотя легкий туман от двух выпитых «Кровавых Мэри» не позволял его вспомнить, внутри возникло неприятное ощущение.

– Рэй-монд Стрик-ленд, – произнесла Дана по слогам, словно разговаривала с несмышленным ребенком. Ее голос вызывал в сознании образы зеленых стрел, беспорядочно пронсящихся по черному фону. – Он убил твоего дядю.

Точно! Картинка наконец-то сложилась. Давненько я не слышала это имя...

– Его уже выпустили из тюрьмы?

– В феврале. – Подруга бросила на меня недоверчивый взгляд: – Родные разве не рассказали тебе?

– Мы не обсуждаем ни убийство, ни самого Джексона. Сто лет прошло.

В глазах Даны мелькнула тень упрека, и она поспешно уткнулась в бокал с пивом. Вот только мы дружим с пеленок и я знаю ее как облупленную. После моего переезда в Мобил несколько лет назад мы предсказуемо отделились, однако по-прежнему встречались с ней поболтать, когда я приезжала в гости к семье.

– Я даже не помню его. Он умер, когда мне едва исполнилось два. И был моим двоюродным дядей.

– Семья есть семья. Мои предки собрались бы все вместе и разработали бы хитроумный план, как посильнее испоганить Рэю жизнь на свободе.

– Какие молодцы, – не удержалась я от плевка ядом. Нечего меня учить преданности семье. Ее возвращали во мне с раннего детства. Именно поэтому я вернулась в Энигму две недели назад.

Дана похлопала меня по руке:

– Я не осуждаю тебя. Ты совсем его не знала. И судя по тому, что болтают люди...

Я нахмурилась:

– До меня доходили всякие слухи. Но брось, Дана, разве он заслужил смерти? В шестнадцать-то лет...

Подруга выставила перед собой ладони, сдаваясь:

– Извини. Просто чем старше я становлюсь, тем младше кажутся шестнадцатилетки. Кто знает, возможно, он просто переживал жуткий подростковый кризис, а потом кардинально изменился бы и стал добропорядочным, уважаемым гражданином...

Я не придавала особого значения скептическим ноткам в ее голосе – мне не было особого дела до родственника, убитого много лет назад. Зовите меня бессердечной, но мне хватает собственных проблем.

Уединенная жизнь в Мобиле протекала вполне спокойно. Бросив госслужбу и начав карьеру организатора праздников, я целыми днями торчала в квартире перед компьютером, раскручивая новый бизнес, а время от времени приезжала домой, чтобы навестить бабушку и младшего брата.

Но звонок из социальной службы неделю назад развеял притворное спокойствие: Зак не пришел на занятия в центр для взрослых с отклонениями, и обеспокоенная медсестра поехала к Ба. Брат сидел дома один, целый и невредимый, и смотрел телевизор. Добрых двадцать минут спустя вернулась бабушка с оторопелым выражением лица. Выяснилось, что в то утро она отправилась вынести мусор, поболтала немного с соседом, а затем вдруг забыла, где живет, и принялась бродить по округе, пока не вспомнила, какой из домов при-

надлежит ей.

Ба действительно стала малость забывчивой... Впрочем, с возрастом такое бывает нередко. Проблема заключалась в том, что она самостоятельно заботилась о внуке с тяжелой формой аутизма. Вот я и приехала в байу⁴, а теперь пыталась найти выход из сложившейся ситуации: как, черт возьми, решить проблему с Ба и при этом позаботиться о Заке.

Я трянула головой, пытаюсь избавиться от тревожных мыслей, – сегодня вечером полагалось веселиться со старой подругой. Лишние проблемы мне точно ни к чему. Тем не менее я не удержалась и с любопытством взглянула на худощавого мужчину в татуировках, одиноко потягивающего пиво: седеющие длинные волосы завязаны в тугой хвост, голова опущена, внимание полностью сосредоточено на бокале. Его заношенные футболка и джинсы выглядели опрятно.

– Удивительно, что он решил вернуться сюда после тюрьмы.

– Не решил. Он приехал несколько дней назад на похороны матери. Полагаю, скоро двинется дальше. Его здесь ничто не держит.

– Вот и славно. Не хочу, чтобы с ним столкнулась бабушка Тресси, пусть она и выезжает из дома престарелых всего раз в месяц.

Теперь, когда Дана указала мне на мужчину, я обрати-

⁴ Байу – заболоченный рукав реки или залива. Обычно встречается на побережье Мексиканского залива на юго-востоке США, в дельте реки Миссисипи.

ла внимание, что и другие посетители украдкой бросают на него недобрые взгляды. Рэй же словно не замечал их – или намеренно избегал, опустив голову.

– Он выглядит старше своих лет. – Я подала знак официанту принести еще одну «Кровавую Мэри».

Болтовня, смешанная с музыкой, орущей из колонок, а также стуком бильярдных шаров в глубине зала создавала в сознании непрерывный поток цветов, которые кружились в вихре и превращались в темные уродливые кляксы. Именно поэтому я налегала на коктейли – они помогали справиться с какофонией.

– Дяде было бы сейчас где-то за сорок.

– Рэй всего на пару лет старше. Видать, тюремная жизнь старит, – согласилась Дана.

– Ага, я дала бы ему не меньше полтинника.

Я потеряла пульсирующие виски.

– Голова болит? – Несмотря на близкую дружбу, Дана понятия не имела о моей особенности: она полагала, будто у меня просто чувствительный слух, из-за которого порой возникает мигрень. – Я думала, раз сегодня нет живой музыки, то ты справишься...

– Проблема не столько в музыке, сколько в общем шуме.

– Дать болеутоляющее? – Дана порылась в сумке и выудила баночку с пилюлями, выдающимися строго по рецепту. – Я всегда держу их под рукой. Из-за сколиоза. Порой боль накатывает в самое неподходящее время.

Я вскинула бровь: в старших классах подруга баловалась наркотиками. Хотя при мне никогда их не принимала, зная о моем отношении к запрещенным веществам. До меня доходили слухи, что пару лет назад она лежала в реабилитационном центре, однако я эту тему не поднимала: если захочет, то расскажет сама.

– Нет, спасибо. Я недавно выпила обычное болеутоляющее. Должно скоро подействовать.

Пожав плечами, Дана убрала пилюли обратно в сумочку.

– Как скажешь.

Я вновь перевела взгляд на Рэя Стрикленда. Его длинные тонкие пальцы сжимали кружку пива, и я невольно представила, как те же самые пальцы спускают курок пистолета. Мысли вернулись к бабушке Тресси и ее преждевременному переезду в дом престарелых: после смерти сына ее разум начал стремительно ускользать от реальности. Муж ее бросил, и она целыми днями сидела в опустевшем доме, утопая в своей горе. Приезжая в гости, мы с Ба неизменно заставляли ее отстраненной, рассеянной, с красными и опухшими от слез глазами.

Однажды в детстве я по неосторожности забрела в спальню Джексона, в которой по-прежнему хранились его вещи. Комната была вовсе не затхлой и пыльной, а пахла лимонным моющим средством. Поверхности сияли неестественной чистотой, словно здесь располагался храм погибшего. Внезапно бабушка Тресси очнулась от своего оцепенелого

состояния, с визгом подбежала ко мне, грубо схватила за плечи и заорала, чтобы я выметалась из комнаты ее сына и никогда больше к ней не подходила. После того случая я начала побаиваться старушки, опасаясь, что в любую секунду та снова выйдет из ступора и, обезумев от горя, набросится на меня. Конечно, повзрослев, я осознала: она просто глубоко несчастная женщина, никому не желающая зла.

Именно этот мужчина разрушил жизнь бабушки Тресси... Я сделала большой глоток новой порции коктейля и со стуком поставила стакан на поцарапанный деревянный стол.

– Зря он сюда пришел, – мрачно проговорила я, свирепо глядя на Рэя и поднимаясь на ноги.

Дана схватила меня за край футболки:

– Ты чего? Сядь обратно!

Однако во мне выиграли подпитанное алкоголем мужество и праведная решимость сообщить этому человеку, какую боль он причинил моей семье. С легкостью вырвавшись из захвата подруги, я направилась в противоположную часть бара, лавируя между столиками.

– Джори!

Посетители оторвались от своих напитков и гамбо⁵, учуяв переполох. Но не Рэй. Казалось, намечающаяся заварушка его никак не колышет. Когда я плюхнулась за столик напротив него, он вскинул голову и кисло спросил:

⁵ Гамбо – блюдо американской кухни, в частности юго-востока; густое рагу из морепродуктов с бамией и овощами.

– Тебе чего?

Его голос вызывал черно-фиолетовые образы – грозовые тучи, которые нагоняет воющий ветер. Они были неясные, поскольку я впервые увидела этого типа. Чем дольше мне знаком человек, тем ярче и отчетливее становится цвет и форма его голоса.

Рэй соорудил недовольную гримасу. Вокруг его рта углубились морщинки, выдающие пристрастие к табаку, глаза подозрительно сощурились:

– Я спокойно себе пью и никого не беспокою.

– Меня беспокоит одно только ваше присутствие! – рявкнула я.

– Да кто ты такая, черт возьми?

– Джори Траан.

Жесткий взгляд нисколько не изменился – мое имя ему ничего не говорило.

– Племянница Джексона Энсли.

У него дернулось правое веко, и, прервав зрительный контакт, он поднял руку, всматриваясь в толпу:

– Официантка!

– Ну конечно. Игнорируйте меня, жалкий трус.

– Я не трус!

– Трус и убийца. Вы выстрелили моему дяде в спину!

– Не я в него стрелял!

Я фыркнула. Куда больше меня впечатлило бы признание в содеянном и хотя бы малейшее раскаяние.

– Да вы еще и лжец.

– Он был мне корешем, с чего мне его убивать? – Рэй заговорил громче; посыпались лиловые квадраты. Народ уже наблюдал за нами в открытую. Вновь понизив голос и положив сжатые кулаки на покаянный стол, Рэй добавил: – Хотя вряд ли кто-то в этом жалком городишке мне поверит.

Его возмущение лишь распалило мою злость.

– Улики говорят об обратном.

– Гребаные улики мне подбросили! Зачем мне убивать друга?

Его оправдания противоречили той обрывочной информации, что я знала. Это преступление стало одной из тех трагедий, о которых не любят говорить, но которые преследуют, сколько бы ты ни пытался забыть прошлое.

– А вот я слышала, что вы оба баловались наркотиками и он задолжал вам денег. Местный барыга, вы сбывали товар друзьям. У вас нашли пакетики марихуаны и пилюли. Ваши отпечатки обнаружили на всех бумажках для «косяков» в машине Джексона. Я уж не говорю о вашей толстовке, залитой его кровью.

Скуластое лицо мужчины окаменело; он передернул костлявым плечом, и я заметила на правом предплечье татуировку в виде колючей проволоки. Судя по неаккуратным линиям и пепельному цвету, мастер – скорее всего, сокамерник – не отличался особым талантом или сноровкой.

– Меня подставили, – повторил Рэй, накупившись, как ре-

бенок. — Вскрыли машину и украла шмотье.

— Ну да, — протянула я. — Подставили вас... Все преступники так говорят.

— Я невиновен! У Джексона было полно недругов. Его смерть никого особо не огорчила.

Я неловко заерзала. Вероятно, впервые за вечер из уст Рэя прозвучала правда. Даже спустя годы до меня доходили неприятные слухи, а когда я спрашивала у дедушки Бадди и Ба, на самом ли деле дядя был плохим человеком, они странно переглядывались. Каждый раз при упоминании покойного племянника в их глазах мелькала мрачная тень и они спешили сменить тему.

— Я оказался не в то время и не в том месте. Этот городишко прогнал насквозь. Если родился в нищете, то в люди никак не пробиться: тебя будут винить во всех смертных грехах. — Рэй горько усмехнулся, вертя в руках бокал с пивом. — Я хотя бы выжил. Некоторые вообще исчезают с концами и уходят на корм аллигаторам.

Я резко вдохнула. Грудь прострелила острая боль. *Дикон.* Одно лишь воспоминание о нем вызывало в сознании темно-фиолетовые волны с белой пеной на гребне.

— Вы это о ком? О Кормье?

Рэй окинул бар диким, вороватым взглядом, словно жалея о сказанном.

— Говорите! — настаивала я, повысив голос. — Вам что-то известно об их исчезновении?

– Может, да, а может, нет.

«На корм аллигаторам» – повторялись в голове его слова, вызывая ужас. Только не мой Дикон! Только не такая жестокая смерть!

Я схватила Рэя за запястье:

– Если знаете что-то, говорите!

Он стряхнул мою руку и откинулся на спинку диванчика.

– Не трогай меня!

Меня бросило в жар. Вряд ли он что-то знал. Его намеки на Кормье – лишь очередная версия, коих я успела наслушаться за много лет. Семья бесследно исчезла в ту ночь, когда я пришла в их опустевший дом. Меня до сих пор преследовали воспоминания: пустые тарелки на столе, оставленная в духовке курица, цветы от бутоньерки под диваном...

У всех сложилось свое мнение насчет случившегося: одни говорили, что Кормье просто сбежали из страны из-за проблем с законом. Другие – что с семьей расправилась мафия, с которой связался Луи. Третьи утверждали, будто их видели на пляже Мексики – мол, наслаждаются жизнью на украденные деньги. С годами версии становились все более нелепыми.

Наконец я взяла себя в руки.

– По-моему, у вас разыгралось воображение – слишком много свободного времени было за решеткой.

– Свободного времени? – Рэй фыркнул. – В тюрьме ты пашешь, как ломовая лошадь. Я там работал на кухне по во-

семь часов в день, а вечерами драил полы.

– Не пытайтесь меня разжалобить. Вы разрушили жизнь моей бабушки! К вашему сведению, после смерти Джексона ее бросил муж и она потеряла связь с реальностью.

Рэй приложился к стакану. Его кадык запрыгал вверх-вниз.

– У всех свои проблемы. Моя жизнь тоже не сказка, знаешь ли. Я отмотал срок от звонка до звонка. Еще претензии будут?

Я склонила голову, изучая его грубые черты лица. Чего я добивалась этим разговором? Рэю наплевать на загубленную жизнь моей бабушки. Вероятно, алкоголь в крови велел мне во что бы то ни стало донести до него, как на нашей семье отразилось это давнее убийство. Я высказала все, что хотела. Больше обсуждать было нечего. Кроме одного:

– Когда вы уезжаете?

Он вопросительно приподнял тонкую с проседью бровь.

– Не хочу, чтобы на вас наткнулась моя бабушка.

– Опять же, это не твое дело. Впрочем, чего скрывать? Я сваливаю через пару дней. Сперва нужно обстричь одно дельце, которое поможет мне встать на ноги. – Его глаза лукаво блеснули, а по бледному лицу скользнула хитрая усмешка. – Теперь, когда матушка покоится в земле, мне больше не нужно возвращаться в эту дыру.

– Вот и славно. Не из-за вашей мамы, – поспешила уточнить я. Мне с детства привили вежливость, да и не хотелось

выглядеть бездушной тварью. – Хорошо, что уезжаете. Я об этом.

Я уже хотела подняться на ноги, когда заметила, что к нам приближается группа из четырех мужчин. В руках они сжимали бильярдные кии. Видимо, разговор на повышенных тонах привлек внимание задиристых завсегдатаев бара. Я частенько видела, как они цеплялись к людям по малейшему поводу, однако обычно ошивались в бильярдной, в задней части бара. Но сегодня мы пробудили зверя. Драчуны злобно смотрели в нашу сторону, а один из них угрожающе хлопнул кием по ладони.

– Рэй Стрикленд! – прорычал главный. Его тонкие губы сжались в полоску. – Не верится, что у тебя хватило наглости показаться здесь.

Рэй сжал в ладонях стакан с пивом. Мозолистые костяшки его пальцев побелели, на каждом суставе четко выделялись вытатуированные кресты.

– Я никому не мешаю.

Ко мне подошла Дана и, положив руку на плечо, прошептала:

– Идем!

– Он к тебе пристаёт? – спросил меня один из мужчин. Эдди Ягер!.. Мы учились в одной школе, только он был на несколько классов старше. Его часто вызывали к директору за драки и иные провинности.

– Не-а. Спасибо, Эдди. Парни, возвращайтесь к игре.

Я ненавидела Стрикленда за непоправимый вред, который он причинил моей семье, но, честно говоря, я сама к нему подошла. К тому же я терпеть не могла драки, особенно неравные. Несомненно, в тюрьме Рэй научился паре ловких приемов самозащиты, однако четверо на одного – это уже перебор. Ему определенно надерут зад, и я предпочла бы не видеть этого.

– Зачем ты сюда сунулся, Рэй? – спросил главарь, не желая легко сдаваться. – В уважаемом заведении зэкам не место.

– Я больше не зэк, – угрожающим тоном проговорил Рэй; его руки напряглись.

Мужчины обступили стол, перекрывая пути к отступлению. Заскрипели стулья – другие посетители поняли, что пахнет жареным, и поспешили удалиться от эпицентра взрыва. Дана крепче сжала мою руку и потянула в сторону:

– Идем.

Но не могла же я бросить Рэя на произвол судьбы! Не нужно было к нему подходить. Теперь из-за меня начнется драка.

– Он уже собирался уходить, – я кивнула на его почти пустой стакан, предлагая возможность с достоинством избежать опасности. – Не так ли, Рэй?

Он вцепился в стакан, плотно стиснув челюсти.

– Сам разберусь, когда мне уходить.

Упрямый идиот!..

– Нечего на него время тратить, Томми. – Эдди повернулся к главарию: – Пойдем!

Но тут ближайший к Рэю мужчина схватил его за предплечье и злобно рявкнул:

– Проваливай!

– А то что?

– А то пожалеешь!

– Мне ни к чему проблемы. Убери свои лапы! Второй раз просить не стану.

Вместо того чтобы отступить, мужчина потянул Рэя. Тот схватил кружку и выплеснул остатки пива противнику в лицо. Желтый липкий напиток попал тому в глаза и стек на жесткую щетину на подбородке.

В помещении повисла мертвая тишина. Ежу было понятно, что за секундным затишьем последует катастрофа.

В следующее мгновение Рэй уже стоял на ногах, с легкостью сбросив чужую руку с плеча. Нападавший толкнул его в грудь. Рэй ответил тем же. Мужчина отлетел к ближайшему столику. Столик перевернулся, и на бетонный пол с грохотом полетели тарелки с гамбо и бокалы с пивом. Раздался женский крик. Горячая жидкость обожгла мою правую лодыжку, к джинсам прилипли кусочки риса и морепродуктов.

В бой вступили остальные трое мужчин. Эдди нацелил кий в голову Рэя, но тот успел перехватить его, переломить и привести половинки в боевую готовность. Бросившийся в атаку Томми получил палкой по виску. Раздался мерзкий треск, от которого у меня перед мысленным взором вспыхнул черный вихрь.

Из левого виска Томми потекла алая струйка.

– Сукин сын! – прорычал он, вытирая кровь.

Третий мужчина благоразумно остался стоять в сторонке, ограничившись злобным взглядом.

Томми вскочил на ноги и вновь кинулся на Рэя, на этот раз с бóльшим успехом. Драчуны повалились на ближайший стул, сломавшийся под таким весом, и рухнули на пол. Рэй стремительно подмял под себя врага и уже занес кулак над его лицом, но тут к нему с удивительной для такого здоровяка скоростью подлетел вышибала.

– Хватит! – гаркнул он, схватив Рэя за руку, и оттащил его от Томми. Драчуны быстро подскочили, свирепо уставившись друг на друга. Томми дышал тяжело и неглубоко, словно при нормальном вдохе у него болели ребра. – А ну-ка на выход, вы все! Живо!

Зачинщик драки скрестил руки на выпирающем пузе.

– Ты об этом пожалеешь! – предупредил он Рэя. – Держись от нас подальше!

Боже! Прямо хулиган из начальной школы, который хорошится перед зрителями.

Рэй презрительно фыркнул, а затем вытащил из заднего кармана бумажник и бросил на стол десятидолларовую купюру.

– Я и так собирался уходить, – сухо отчеканил он, смерив противников грозным взглядом. – А вы, хлюпики, смотрите, на кого нарываетесь.

Томми уперся кулаками в бока:

– Да ну? Смотри по сторонам и проваливай из нашего города!

– Ой, напугал...

Рэй зашаркал к двери, качая головой.

– И правильно! – крикнул Томми ему в спину. – Еще раз тебя увижу, убью! Урод!

Даже не потрудившись обернуться, Рэй показал ему средний палец.

– Вы тоже проваливайтесь! – гаркнул вышибала, поворачиваясь к нападавшим. – Мистер Бруссар не потерпит у себя никаких драк. Я вас уже предупреждал! Еще раз подобное повторится, и вход в бар вам будет закрыт!

Все четверо недовольно запыхтели и потопали к выходу, бурча что-то о мести.

– Мы вызвали копов! – крикнул вышибала им вслед. – Возобновите потасовку – проведете ночь в «обезьяннике»!

За последним из драчунов захлопнулась дверь. Я кинулась к нашему с Даной столику и выглянула в окно, выходящее на парковку. Рэй надел шлем и забрался на издававший виды мотоцикл. Взревел двигатель, выпустив облако ядовитого черного дыма, из-под колес полетел гравий, и Рэй уехал.

Банда Томми села в старенький пикап, в заднем окне которого виднелся дробовик, и так же шумно выехала со стоянки, поднимая клубы пыли.

– Думаешь, отправились за Рэем? – спросила Дана.

– У них на это не хватит ума, – ответила я с отвращением. – Будем надеяться, погоня только для виду – хотят сохранить лицо после того, как им надрали задницы и вышвырнули из бара.

– Наверное, – согласилась подруга, хотя в ее глазах читалось сомнение.

Я опустила на свое место и вздохнула. Алкогольный туман рассеялся, стоило Рэю упомянуть о Кормье. Настроение было испорчено. Меня охватило сожаление. Интересно, если б я не пошла к Рэю, бандиты Томми обратили бы на него внимание?

Тем не менее замечание о пропажах людей возбудило мое любопытство. Если между убийством дяди и исчезновением Дикона существовала связь, я не могла так просто закрыть на нее глаза. И к черту опасность!

– Хочешь еще «Кровавую Мэри»? – спросила Дана. – Я сегодня за рулем.

– Хочу, но, пожалуй, откажусь.

Нельзя возвращаться домой пьяной. Я приехала в Энигму для того, чтобы позаботиться о Ба и Заке.

– Понимаю. – Взгляд подруги излучал сочувствие. – Как дела у бабушки?

– Поживем – увидим.

Пока что я стала свидетелем только пары странных случаев: один раз Ба ушла в гостиную, забыв кастрюлю на плите. Другой – повторила один и тот же рассказ дважды. Я за-

ставила ее обратиться к врачу, и ей диагностировали деменцию. Точнее, болезнь Альцгеймера с умеренным снижением когнитивных способностей. Врач предупредил, что ее состояние будет постепенно ухудшаться, хотя никто не мог предсказать, насколько быстро.

– А у Зака?

– Как всегда.

Дана знала о тяжелой ситуации в моей семье.

– Хорошо, что ты теперь с ними. И что работа позволяет тебе отлучаться.

Да уж, и на том спасибо. Я глубоко вздохнула, подавляя неутраченное беспокойство о будущем близких людей. Перед смертью мамы я пообещала ей позаботиться о них.

Снова нахлынули злость и обида на отца, который сбежал вскоре после того, как его двухлетнему сыну диагностировали аутизм.

За окном упало несколько капель дождя – надвигалась буря. Стремительно сгущались сумерки. Прямо как мои опасения. Вдруг те драчуны опять встретятся на пустынной дороге и кто-то серьезно пострадает? Вдруг Ба готовила ужин, опять забыла про еду на плите и устроила пожар?

Нужно было немедленно вернуться домой. Казалось, грянет нечто ужасное.

Глава 3

Тиган

Желтая лента опоясывала место преступления – маленький домик в стиле, характерном для южных штатов начала прошлого века: узкий и длинный, с проходными комнатами. Он производил унылое впечатление: краска на фасаде выцвела и местами облупилась, в опущенных жалюзи отсутствовали планки. На тротуаре двое полицейских беседовали с щуплой пожилой женщиной, у которой из-под шарфа на голове торчали бигуди. Во время разговора она то и дело оборачивалась на дом, словно ее тянуло к нему неведомой силой. Несколько любопытных соседей шагали по пыльной дороге: поглядеть, из-за чего суматоха.

Я вышла из патрульной машины вместе с шефом, Джо Оливером, главным следователем округа Эри. Мне все еще не верилось, что он выбрал именно меня в качестве своей подопечной. Как и моим коллегам – особенно знакомым со школы.

В старших классах я страдала от лишнего веса и определенной репутации, за что меня наградили неприятным прозвищем Оторва. А после выпуска изо всех сил старалась избавиться от клички, в том числе вышла замуж и похудела. И добилась успехов: большинство школьных знакомых остави-

ли прошлое позади. Особенно после того, как я поступила на службу в правоохранительные органы. И хотя помощником шерифа я работала почти два года, полицейскую академию окончила всего полгода назад. Многие коллеги продолжали называть меня салагой – вроде в шутку, но все же мне требовалось пройти боевое крещение, чтобы стать своей.

Я осмотрела местность, подмечая детали. Дом, в котором произошло преступление, выглядел хоть и бедным, но ухоженным. Хозяин явно приложил усилия, чтобы украсить простенькое строение: над крыльцом висели яркие кашпо с цветами. Вдоль посыпанной гравием дорожки росли розовые фиалки, газон недавно скосили; у дома стояли бывалый мотоцикл и древний «Плимут Дастер». После дождя в воздухе пахло свежестью и чистотой.

Здесьние дома стояли довольно далеко друг от друга. На многих верандах наслаждались весенним теплом пожилые пары, уютно устроившись в креслах-качалках, но на некоторых лужайках стояли трехколесные велосипеды и валялись игрушки: видимо, в районе жили не только пенсионеры, но и молодые семьи. Или матери-одиночки. Последняя категория относилась и ко мне, но приличная зарплата была своего рода оберегом от столь убогого местечка.

Да уж, нечасто мне хотелось благодарить судьбу за свой старый кирпичный домик. Но, по крайней мере, у нас с детьми была крыша над головой и еда на столе. Когда пять лет назад мой, теперь уже бывший, муж Джош бросил нас ра-

ди помощницы юриста с точеной фигуркой, я успела проработать на разнообразных низкооплачиваемых должностях, высосавших из меня все соки. Живя на скудный заработок и назначенные судом алименты, мы едва сводили концы с концами. До тех пор пока несколько месяцев спустя Джош не начал намекать на то, что устал от своей молоденькой пассии и не прочь вернуться обратно. Однако я решительно пресекла его попытки и поставила в этом вопросе жирную точку.

Внезапный прилив твердости придал мне мужества найти работу получше. Мой брат Лайам, полицейский из соседнего города, узнал о вакансии в местном участке и убедил меня отправить резюме. Я никак не ожидала, что пройду. И даже сумею окончить полицейскую академию.

Двухгодичное обучение не было легким, но, к всеобщему удивлению, я справилась блестяще: освоила программу и успешно сдала экзамены по стрельбе. Порой мне даже нравилась моя работа. Как-то раз я призналась в этом коллегам, но они лишь посмеялись: мол, мое мнение кардинально изменится, едва перейду на серьезные преступления и собственными глазами увижу, на какие мерзости способны люди.

Было ощущение, что это произойдет сегодня.

Мы подошли к дому. Я сглотнула, узнав одного из полицейских. Гилберт Демпси, близкий друг моего бывшего мужа, мне не нравился – ни раньше, ни тем более сейчас. После школы они с Джошем пару лет работали вместе на местном рыбоперерабатывающем заводе. Все ужасно удивились, ко-

гда Гилберта, пьяницу и азартного игрока, взяли в полицию. Однако новая профессия вовсе не помешала его вылазкам в казино и не исправила скверный характер. И он по-прежнему бросал на меня хитрые взгляды. Он всегда так делал. Даже когда я была замужем за Джошем.

Оливер сразу взял беседу в свои руки:

– Вы и есть соседка, которая вызвала полицию?

Женщина кивнула:

– Да. Рибба Танкерсли.

Демпси поспешил выслужиться, предоставив дополнительную информацию:

– Мы прибыли около пяти минут назад и оцепили место преступления. – Отступив, он жестом предложил нам следовать за ним, а затем обратился к напарнику, Лерою Грейнджеру: – Остайся здесь и никого не подпускай.

– Что случилось? Рэймонд дома? – Голосок Риббы был пронзительным и тонким.

У подъездной дорожки собрались еще четверо соседей. Одна из женщин держала на руках кричащего младенца.

– Ты как, Рибба? – поинтересовался пожилой мужчина, пробираясь сквозь небольшую группку.

Мы оставили зевак на Грейнджера и последовали за Демпси на задний двор. Отдалившись достаточно, чтобы не быть услышанным, он сообщил:

– Криминалисты уже в пути.

Ох, не к добру это... По спине пробежали мурашки дур-

ного предчувствия. Я вот-вот получу дело об убийстве – или, возможно, о *самоубийстве*. В любом случае мне предстоит впервые столкнуться с неестественной смертью.

– Задняя дверь была открыта, когда мы приехали, – доложил Демпси. – Следов взлома нет.

Многие местные не запирают двери на ночь. Мои родители делали так еще в ту пору, когда мы с Лайамом были детьми. И все мы выжили. Я осмотрела крошечный дворик, примыкающий к чаще. Убийца мог подстергать свою жертву в густых зарослях.

– Мы с Грейнджером заглянули сюда, – сообщил Демпси, указывая на окно слева – старомодное, с поднимающимися панелями. – Так и обнаружили тело. Затем сразу вошли через заднюю дверь и проверили, жив ли пострадавший. – Последовала короткая пауза. – Он оказался мертв.

Оливер кивнул:

– Кто жертва?

– По словам соседки, дом принадлежал Летиции Стрикленд. Она умерла на прошлой неделе. На похороны приехал ее сын Рэймонд.

Рэймонд Стрикленд! В памяти тут же всплыло другое имя – Джексон Энсли. Внутри все перевернулось. Нахлынули воспоминания: кислый привкус чужого языка, с болью вжимающиеся в меня бедра, холодные кожаные сиденья машины, царапавшие спину, стремительно нарастающий ужас, когда его рука накрыла мне рот, заглушая крики...

Я трянула головой, отгоняя образы. Они погасли, как свеча, залитая водой. Жаль, что я не знала о возвращении Стрикленда в город. Как ни странно, его имя до сих пор у всех на слуху – почти как имя Кормье, пропавших годами позже. Могли бы и предупредить, что утренний вызов приведет нас в дом его матери.

– А-а... тот самый Рэймонд Стрикленд. – Жаль, не было возможности заранее подготовиться к призраку прошлого.

– Единственный и неповторимый, – подтвердил Демпси.

– Кто он? Просветите.

Джо Оливер проработал у нас всего четыре месяца. Он приехал из округа Мобил после скоропостижной смерти бывшего шерифа, чтобы возглавить участок до осеннего голосования. Такое решение окружной администрации вызвало недовольство некоторых местных следователей, мечтавших занять освободившееся кресло: временная должность дала бы фору в борьбе за голоса избирателей.

– Рэя судили за убийство, когда я еще училась в старших классах. Он выстрелил лучшему другу в затылок, предположительно после неудачной сделки с наркотиками. – Я повернулась к Демпси: – Когда его выпустили?

– Довольно давно, хотя в городе он появился только после смерти матери.

– Давайте посмотримся, пока не приехали криминалисты.

Шеф вытащил из кармана резиновые перчатки и принялся их натягивать. Последовав его примеру, я из любопыт-

ства заглянула в окно. Большую часть комнаты занимала двуспальная кровать. А на ней... Брови невольно поползли вверх. Стены и белые простыни были забрызганы кровью и серым веществом. Высокий мужчина лежал в одних семейных трусах лицом вниз. Его голова превратилась в жуткое месиво. Длинные темные волосы с проседью, запачканные кровью, разметались по сторонам.

Я невольно отпрянула от окна. К горлу подступила тошнота. Сегодняшнее утро было слишком солнечным, слишком умиротворенным – даже птицы жизнерадостно щебетали. словно в насмешку, неподалеку запел зяблик, улетая в лес. Все вокруг выглядело совершенно нормальным. За исключением труп.

Мне впервые предстояло увидеть мертвеца, и хотелось сохранить спокойствие и холодный профессионализм. В противном случае коллеги будут до конца жизни припоминать мне неловкий провал. Наконец-то настал решающий час, нельзя его портить. Нужно взять себя в руки. Стоило ли добиваться всеобщего уважения, чтобы теперь потерять все в мгновение ока? Нет. Не стоило. Мне нужна эта работа, а моим детям – стабильность и достаток.

Мы с Оливером вошли внутрь. Задняя дверь вела на кухню – такую крошечную, что, казалось, вытяни руки по сторонам и дотронешься до противоположных стен. Тем не менее вокруг было чисто и опрятно. На свежевystиранном, аккуратно сложенном кухонном полотенце висилась баш-

ня помытых пластиковых контейнеров. Мать убитого, видимо, была хорошим человеком, раз после ее смерти соседи, несмотря на преступное прошлое Рэя, принесли ему еды.

Справа располагалась столовая, а спереди – уютная гостиная со старенькой мебелью, потертым ковриком и громоздким телевизором на тумбе. И никаких признаков вторжения, ни единой соринки на дешевом линолеуме.

Оливер направился к спальне, миновав крошечную ванную, и вопросительно взглянул на меня. Я лишь коротко кивнула, давая понять, что чувствую себя нормально. Справа находилась комнатка с кроватью, аккуратно застеленной потрепанным покрывалом и висящей на стене картиной с портретом Иисуса Христа в терновом венце: кровь стекала со лба, заливая пронзительные карие глаза, и исчезала в густой бороде.

– Какая набожность, – проворчала я себе под нос.

– Идем? – Оливер приостановился у открытой двери спальни.

Кивнув и расправив плечи, я последовала за ним в комнату. В нос ударил металлический запах крови, смешанный с трупным смрадом. Я деловито осмотрела пятна крови и мозгов на белых простынях и бежевой стене за кроватью, пулевое отверстие в голове жертвы, полстакана воды на тумбочке, раскрытую потрепанную Библию, истоптанные кожаные ботинки, аккуратно стоящие под кроватью, джинсы и футболку, сложенные на кресле-качалке в углу...

– Черт, – пробормотал Оливер, подходя к телу.

Никто не выжил бы после такого ранения. Тем не менее шеф коснулся шеи мужчины, пытаясь нащупать пульс. Я продолжала осматривать комнату в поисках брошенного пистолета или чего-нибудь еще, ненароком оброненного убийцей. На комоде стояла пустая бутылка из-под виски, лежала смятая пачка сигарет. На полу валялась пара грязных носков. На столике в дальнем углу виднелся пакетик с чем-то похожим на марихуану и несколько пузырьков с именными бирками. Седативные средства для Летиции Стрикленд. От вида пакетика меня передернуло – лишь однажды я позволила себе покурить. В ту самую ночь, по настоянию Джексона. И поплатилась за это.

– Ничего не трогай.

– Спасибо, сама не догадалась бы. – Я едва не закатила глаза. – Кроме огнестрельного в голову, других ранений не видно. Никаких признаков борьбы. Застрелили во сне?

По-моему, такая смерть самая милосердная. Уж лучше так, чем в ужасе пялиться на пистолет, нацеленный в лицо, понимая, что это последние секунды жизни и все, что тебе остается, – смотреть в полные ненависти глаза.

В отличие от меня, мысли Оливера мгновенно переключились на убийцу и его психологический портрет:

– Трусливый, хладнокровный и расчетливый.

– Прямо как Рэй, который выстрелил своей жертве в затылок много лет назад.

– Око за око.

– Думаете, убийство из мести?

– Возможно, – мрачно допустил Оливер.

Из открытого окна послышалось новые голоса.

– Криминалисты...

Сквозь толпу зевак протиснулась троица с чемоданчиками и фотоаппаратами.

– У тебя осталась минута, чтобы хорошенько осмотреться, – напомнил Оливер. – Скоро будет бардак.

Я обратила внимание на тумбочку с открытой Библией. Поперек тонких пожелтевших страниц лежал замызганный плетеный крест. Несколько стихов были подчеркнуты. Мой взгляд скользнул по строчкам и остановился на одном из них, подчеркнутом гелевой ручкой дважды:

*У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется
нога их; ибо близок день гибели их, скоро наступит
уготованное для них⁶.*

Отмщение. Погибель. Уготованное... Волоски на шее встали дыбом.

Кухонная дверь с грохотом захлопнулась. В коридоре раздались шаги, и вскоре на пороге спальни возник пожилой мужчина, с головы до ног облаченный в белый защитный костюм. Он окинул место преступления быстрым профессиональным взглядом и тихо присвистнул:

⁶ Втор. 32:35 (синодальный перевод).

– Ну и месиво!

– Я такого уже несколько лет не видел, – согласился Оливер, а затем указал на меня: – Это помощник Блэкуэлл. Она вместе со мной будет работать над расследованием.

Я испытала прилив гордости и воодушевления. Пора проявить себя с наилучшей стороны! Надо бы вернуться на улицу и переговорить с Рибой Танкерсли. Когда я проходила мимо Демпси, он подтолкнул меня локтем и, наклонившись, прошептал:

– Приветик, Оторва.

– Мне хотя бы хватило благоразумия не спать с тобой. – Губы изогнулись в отработанной годами презрительной усмешке.

Кирпичное лицо пьянчуги побагровело от злости, однако он выдавил из себя усмешку и пробурчал:

– Твоя правда.

В коридор вышел Оливер.

– Справедливость восторжествовала, – сказал Демпси. – Убитый Рэем, парнишка, говорят, был тем еще засранцем, но ему стукнуло всего шестнадцать. Видать, кто-то решил, что Рэй заслужил участи своей жертвы.

– Закону все равно, – сухо заметила я. – Убийство есть убийство.

– Разумеется, – согласился Демпси, хотя явно напрягся. – Просто говорю, что Рэю стоило ожидать мести, только и всего. Этот подонок ходил по тонкому льду.

Я ничего не ответила. Умей Демпси читать мысли, непременно ужаснулся бы: как по мне, Рэймонд Стрикленд заслуживал чертовой медали.

На долю секунды на лице Оливера промелькнуло недожество, однако он быстро его подавил – похоже, Демпси даже не успел заметить. Шеф вырос в моих глазах. Пусть Стрикленда и считали подонком, Оливер искренне верил в святость человеческой жизни и справедливость. Я понимала и одобряла его старомодные ценности. Возможно, потому он и взял меня под крыло, тем самым избавив от имущественных преступлений и мелких краж.

– Проводишь миссис Танкерсли домой и возьмешь показания, – приказал Оливер, полностью игнорируя Демпси. – Я побеседую с соседями на улице и догоню тебя.

– Есть!

Проходя через гостиную, я осмотрелась в последний раз: яркие вязаные покрывала на старой мягкой мебели, белые кружевные салфетки на полках, ряд коллекционных кобальтовых бутылок на подоконнике между горшочками спати-филлума, старомодный плетеный ковер посреди комнаты, корзина с мотками красной и желтой пряжи и незаконченное изделие на спицах у кресла-качалки. Рядом висела вышивка крестиком – кропотливое воплощение терпения и выдержки. Здесь веяло бы теплом и уютом, не будь чудовищной картины в спальне. Вероятно, Летиция Стрикленд была одной из тех старушек, которые любят суетиться вокруг сво-

их гостей – принести чашечку кофе, домашнего печенья... Рэймонд наверняка ужасно разочаровал мать и стал для нее источником неиссякаемых горестей.

Я подумала о собственных детях, Линси и Люке, двойняшках пятнадцати лет – возраст уязвимый, прямо на пороге взросления. Будь у меня деньги и способности, они обучались бы на дому, в безопасности и под постоянным присмотром. И никаких уроков вождения и тем более романтических отношений. По меньшей мере до окончания колледжа... Губы невольно изогнулись в усмешке: наверное, хорошо, что у меня не было ни времени, ни средств – излишняя опека доконала бы их.

Миссис Танкерсли стояла у крыльца между двух женщин, вытирая глаза краем фартука в цветочек и сокрушенно причитая:

– Так и знала, что случилась беда! Ведь предчувствовала неладное, потому и пришла с утра пораньше...

В предчувствия и предзнаменования я не верила. Либо старушка разыгрывала спектакль, либо ее встревожили некие изменения в сонной жизни улицы.

– Миссис Танкерсли? Я – помощник Блэкуэлл. Можно вас на пару слов?

Она важно надулась и вздернула подбородок:

– Ну еще бы! Именно я вас и вызвала.

Одна из женщин, тоже с бигуди на голове – удивительно, что в наши дни ими еще пользуются, – похлопала ее по пле-

чу:

– Звякни мне, Риба. Хочу все знать.

Кто бы сомневался!

Я махнула рукой, приглашая миссис Танкерсли отойти.

– Давайте пройдем к вам домой. Там вам будет удобнее, и, возможно, вы вспомните какие-нибудь мелочи, способные помочь расследованию.

– Сделаю все, что в моих силах. Честно говоря, Рэй, да упокоит Господь его душу, никогда меня особенно не волновал, а вот Летиция была прекрасной женщиной и хорошей соседкой. – Слезы уже высохли, и старушка искоса взглянула на меня, когда мы переходили грунтовую дорогу. – Надо полагать, Рэй умер не своей смертью? То есть, если б сам, вы не стали бы вызывать тех ребят из Мобила.

Я рассудила, что в общем-то можно рассказать ей правду.

– Похоже, его убили.

Риба облизала губы:

– Застрелили?

Настал мой черед задавать вопросы:

– Вы ночью что-нибудь слышали?

– Только его мотоцикл. Как я уже сказала полиции, он приехал где-то около одиннадцати – я к тому времени досмотрела новости, приняла ванну и прибралась на кухне.

– С вами кто-то был?

– Ох, ну что вы! – Женщина горько рассмеялась. – Мой Ральф умер пять лет назад. Сердечный приступ. С тех пор

живу одна.

Эта тоска знакома мне не понаслышке. Порой, одиноко лежа в постели, я скучала по Джошу – ровно до того момента, пока не вспоминала последний год нашего брака, полный лжи, предательства, гнева и обид, и убеждала себя, что одиночество гораздо лучше.

Мы добрались до дома миссис Танкерсли. Хозяйка пригласила меня в гостиную и предложила кофе.

– Можно просто воды, спасибо.

Пока Риба суежилась на кухне, я изучала комнату. Обстановка была на удивление современной, с кожаной мебелью и дорогим плазменным телевизором у противоположной стены. Любопытно, что при этом она пользовалась бигуди, а на кофейном столике стояла баночка такого же старомодного крема.

Вскоре хозяйка вернулась со стаканом воды, и мы расположились на разных краях дивана.

– Вы сказали, что вчера слышали мотоцикл около одиннадцати вечера. Как думаете, это мог быть кто-то другой?

Покачив головой, Риба сняла шарф и дрожащими руками начала вынимать из волос бигуди и бросать на колени.

– Ну и видок у меня, наверное... Кто же знал, что придется появиться в таком виде перед всей округой!

– Вы потрясены, – заметила я. – Попробуйте сосредоточиться на событиях прошлой ночи. Ради миссис Стрикленд.

На глазах старушки навернулись слезы, она провела рукой

по тугим кудрям.

– Да-да, конечно. Ради Летиции нужно найти убийцу ее сына. – Она судорожно вздохнула. – Мотоцикл точно был Рэя. Я даже специально выглянула в окно. Знаете, живя в одиночестве, невольно начинаешь тревожиться по малейшему поводу.

– Понимаю. Он приехал один?

– Да вроде бы... Я лишь разок выглянула в окно и пошла спать. Только... – Она прикусила губу. – О мертвых, конечно, либо хорошо, либо никак...

– Продолжайте.

– По-моему, он был нетрезв. Мотоцикл немного вильнул на дороге, а потом слишком резко затормозил.

– Вы видели, как Рэй вошел в дом?

Ее лицо порозовело:

– Да. Хотела убедиться, что он добрался благополучно. На крыльце, как обычно, горел свет. Рэй споткнулся на первой ступеньке, но не упал. И долго возился у двери, выискивая ключи в кармане.

Довольно много информации для простого «выглянула в окно».

– Когда он приехал, в доме горел свет? – Убийца мог поджидать Рэя внутри.

– Нет, было темно. К тому же я не видела и не слышала, чтобы кто-то проезжал мимо, кроме Тилмана Рэгсдейла с женой.

– А по возвращении мистер Стрикленд включил свет?

– Не знаю. Когда он вошел, я ушла спать.

– Ночью вы ничего не слышали?

– Совсем ничего. Я сплю как младенец, – старушка пожала плечами. – Однако утром заволновалась: вдруг ночью Рэй упал и ушибся? Обычно он вставал рано и выходил на крыльцо покурить. Летиция не разрешала ему курить в доме, и до чего же отрадно было видеть, что он по-прежнему чтит ее желания...

– А сегодня утром он не вышел покурить, и это вас насторожило?

– Именно. К тому же у меня возникло дурное предчувствие. Прямо как в день смерти Летиции и снова, когда...

– Спасибо, что уделили мне время, миссис Танкерсли. – Я вытащила визитную карточку. – Если вспомните что-нибудь еще, пожалуйста, позвоните нам.

– Непременно. – Она взглянула на визитку в своей дрожащей руке. – Честно признаться, мне не по себе оттого, что у моего дома бродил убийца. А вдруг он вернется? Вдруг ему станет известно, что я с вами разговаривала?

– Вы никого не видели, поэтому вряд ли вам грозит опасность. Но ради вашего спокойствия мы несколько дней будем отправлять на вашу улицу полицейский патруль.

Кивнув, женщина вытерла внезапно навернувшиеся слезы.

– Знаю, Рэй совершал дурные поступки. И все же я помню

его совсем мальчишкой, милым и вежливым. Ну и сорванцом, как же без этого, – впрочем, безобидным, – поспешила добавить она.

Меня ободрили ее добрые слова о Рэймонде Стрикленде – как минимум одной живой душе было небезразлично, что он покинул этот мир.

Выйдя от Рибы, я встретила с шефом и сразу пересказала свой разговор со свидетельницей. Выслушав меня, он задумчиво кивнул:

– Ее показания совпадают со словами другого соседа, который видел Стрикленда вчера вечером в «Павильоне Брусара»: он выпивал и подрался там с несколькими мужчинами, которые угрожали его убить.

Неужели мое первое убийство будет так быстро раскрыто? Если повезет, к вечеру уже задержим подозреваемых.

– Что за мужчины?

Оливер глянул в заметки на телефоне:

– Томми Симс, Эдди Ягер, Джейрод Букер и Олден Найт. Судя по всему, зачинщиком был Симс, так что начнем с него.

К горлу подкатил тугой комок. Можно подумать, встречи с Демпси недостаточно для одного дня! Но нет, опять придется общаться со школьными приятелями, с одним из которых меня кое-что связывало. Кое-что интимное... Тем не менее я поспешила отбросить опасения. Мне не впервой сталкиваться на службе со старыми знакомыми. И если они окажутся такими же придурками, как Демпси – что вполне

вероятно, учитывая драку в баре, – то пусть сами нервничают. Подавшись в полицию, я понимала, что подобные встречи неизбежны.

Мы сели в патрульную машину. Пользуясь ситуацией, я узнала адрес Томми: Малдер-драйв, 1649. Всего в паре кварталов от главной улицы. Мы заехали в историческую часть города с прелестными коттеджами, ухоженными газонами и садами, огороженными белыми заборами из штакетника. Однако чем глубже заезжали, тем старше и непригляднее становились дома: с облупившейся краской на фасадах, сломанными ставнями и ржавым металлоломом во дворе. Чем страшнее был дом, тем больше хлама громоздилось на крыльце и подъездной дорожке.

Жилище Томми Симса выглядело хуже всех. Начиная с окон, завешенных уродливыми простынями, и заканчивая неприглядными салатовыми ставнями и фасадом. Дверной звонок не работал – неудивительно, – и лишь через несколько минут громкого стука в дверь нам с недовольным видом открыла женщина. Казалось, она только встала с постели: короткие волосы торчали во все стороны, сонные глаза удивленно расширились.

– Мы из департамента шерифа, – сообщил Оливер. – Мистер Симс дома?

Не потрудившись ответить, женщина обернулась и громко позвала Томми. Из глубин жилья раздался глубокий баритон, но слова разобрать не удалось. В отличие от пронзи-

тельного женского крика:

– Копы тебя спрашивают! Какого хрена ты натворил?

Снова послышалось неразборчивое бухтение.

– Сам им и скажи! – ответила женщина. Внутри хлопнула дверь.

Мы с Оливером переглянулись. Супружеской гармонией здесь и не пахло.

Вскоре появился Томми, натягивая на пивной живот выцветшую футболку и настороженно окидывая нас взглядом. На его левой щеке виднелась багровая полоса. Должно быть, серьезная вчера вышла заварушка.

– Да? – сказал он вместо приветствия.

Годы его не пощадили. В старших классах Томми был высоким, подтянутым спортсменом с длинными каштановыми волосами и четко очерченной линией подбородка. Когда он проявил ко мне внимание, я пришла в восторг и по глупости согласилась встретиться с ним после игры. Оказалось, что его интересовало только одно, но осознала я это лишь на следующий день, когда он прошел мимо меня. Мало того, позже выяснилось, что он проболтался приятелям о том, что было между нами. Именно Томми я винила в прозвище Оторва, которое намертво прилипло ко мне до окончания школы.

Конечно, я вовсе не ожидала увидеть семнадцатилетнего Томми Симса, тем более что мы пару раз сталкивались с ним в магазине, однако оказалась не готова к крупному плану его помятого, морщинистого лица с обвисшими щеками.

В некогда темно-каштановых локонах теперь проглядывала седина, а линия роста волос сдвинулась к макушке.

У меня самой появились морщинки на лице и растяжки на теле, а также безнадежная зависимость от краски для волос, сохраняющей мой родной русый цвет. Однако теперь я следила за фигурой.

– Лейтенант Оливер и помощник Блэкуэлл, департамент шерифа. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

Едва взглянув на меня, Томми уставился на моего начальника:

– Этот гон... Если вы из-за вчерашней драки, то Стрикленд нас спровоцировал. – Его ладонь взметнулась к рубцу на лице. – Он накатал заявление или что?

– Из-за чего произошла драка? – спросила я, пропустив вопрос мимо ушей.

Томми перевел взгляд на меня и неловко переступил с ноги на ногу.

– Нам показалось, что он пристаёт к Джори Траан, и мы вмешались.

Это имя мне ни о чем не говорило.

– Почему вам так показалось? Они ссорились?

– Не-ет, – протянул он. – Но ведь она...

Я изогнула бровь:

– Ну, кто она?

– Племянница Джексона Энсли, которому Рэй хладнокровно выстрелил в затылок.

По спине пробежала дрожь, словно мне за шиворот бросили кубик льда. Уже второй раз за день прозвучало упоминание Джексона. Пожалуй, нужно подготовиться к тому, что в этом расследовании о нем еще не один раз вспомнят.

Томми опять прищурился, вперив в меня взгляд:

– Мы не встречались раньше?

Румянец вспыхнул на шее и пополз вверх. Значит, он меня не вспомнил. Уж не знаю, обрадоваться сему обстоятельству или оскорбиться. Проигнорировав его вопрос, я продолжила:

– Вы видели мистера Стрикленда и мисс Траан вместе до вчерашнего вечера?

– Да не. Я Рэя вообще сто лет не видел. – Томми скрестил руки на груди, на губах заиграла легкая ухмылка. Такое выражение частенько появлялось на его лице в старших классах на спортивных играх или тусовках с друзьями.

Перед мысленным взором вспыхнули воспоминания более чем тридцатилетней давности: Джексон и Томми в компании ребят на вечеринке или в школьной столовой. Однако не припоминаю, чтобы видела их наедине. Они скорее были приятелями, нежели близкими друзьями. Две полные противоположности – популярный спортсмен и хулиган, изображавший крутого. Джексона считали настоящим наркоманом. Насколько мне известно, единственное, что объединяло парней, – это бездушное отношение именно ко мне.

А если они не дружили, то почему Томми вдруг так рас-

сердился, увидев Рэя и Джори вместе? Может, он неровно дышал к девушке?

– Что послужило причиной драки? – резко спросила я.

– Ему не следовало соваться в «Павильон»! – Томми выпятил грудь, в голосе звенело праведное негодование. – А он просто сидел там и точил ляды с родней Джексона. Нужно было поставить его на место!

Значит, они банально не поделили территорию? Томми хотел выпендриться перед собутыльниками, прицепившись к Рэю?

– Эй, точно, я ведь тебя знаю! – Внезапно он ткнул в меня пальцем. Его губы сжались в тонкую полосу.

Я подобралась, готовая вновь услышать старое прозвище. Однако Томми успел остановить себя, удивив меня самообладанием.

– Да, теперь узнал. – Его губы расплылись в ухмылке. – Ты изменилась. К лучшему... – Он медленно осмотрел меня с головы до пят.

Краем глаза я заметила косой взгляд Оливера, оценивающего странный поворот беседы, но не успела ответить на завуалированное оскорбление, как шеф продолжил выпрашивать подробности драки. Томми настаивал на том, что особой драки не было, так, словесная перепалка, – скорее всего, хотел замять дело. Ничего, мы свяжемся с работниками бара, а также возьмем показания свидетелей и трех других участников потасовки.

– Вы угрожали убить мистера Стрикленда? – спросил под конец Оливер.

Томми с отвращением покачал головой:

– Просто ляпнул сгоряча. Только не говорите, что этот бандюган испугался за свою жизнь! – Скрестив руки на выпирающем животе – уголки его губ сурово опустились, – он требовательно спросил: – Так вы меня арестуете или как?

Оливер засунул блокнот в карман жилета.

– Посмотрим.

– На что?

Начальник смерил его суровым взглядом:

– Посмотрим, вы ли убили Рэймонда Стрикленда вчера ночью.

Томми побелел, словно его ударили в солнечное сплетение.

– Убил? Рэй мертв?

Тут же рядом с Томми вновь появилась женщина, открывшая дверь: очевидно, она все это время подслушивала. Бочком придвинувшись к мужу, который положил руку ей на талию, спросила с наигранной бравадой:

– Что стряслось?

– Все хорошо, Сэнди. Просто недоразумение.

Она вздернула подбородок:

– Мой муж всю ночь был со мной!

– В котором часу вы вернулись из бара? – спросила я.

Томми потер щеку и повернулся к жене:

– Даже не знаю... В одиннадцать?

– Да или раньше, – ответила та, не спуская с меня пристального взгляда светло-голубых глаз, в котором сквозили неприязнь и недоверие.

– Вы готовы приехать в участок для проверки на следы пороха? – спросил Оливер.

Томми недоуменно нахмурился:

– Для чего?

– Проверить, пользовались ли вы недавно оружием.

Оливер пытался оценить реакцию Томми. На данном этапе такая проверка бесполезна. Ее проводят максимум через шесть часов после стрельбы, и то если подозреваемый не мыл руки и вообще ничего не делал. Пока я разговаривала с соседями Стрикленда, Оливер получил у судмедэксперта предварительную оценку. По его словам, когда обнаружили Рэймонда, тот, вероятно, был мертв уже более восьми часов.

– Да, я... – начал Томми.

Сэнди его перебила:

– Ну уж нет! Все остальное только в присутствии адвоката.

– Если ваш муж невиновен... – протянула я, позволяя ей додумать остальное.

– Говорю же, он всю ночь был со мной. Я просто не доверяю вам, ребята; еще повесите всё на него...

Оливер сохранял спокойствие.

– Мы с вами свяжемся, мистер Симс. – Эта довольно стандартная фраза прозвучала как угроза.

Испуганный Томми кивнул:

– Да, конечно.

Дверь начала закрываться, и мы с Оливером развернулись.

– Кто эта женщина? – донесся голос Сэнди.

– Никто.

Никто... Я стиснула челюсти. Плевать. Томми Симс – мерзкое ничтожество, так что, если подумать, он значил для меня еще меньше, чем я для него.

Оливер заговорил со мной, только когда мы сели в машину:

– Не просветишь, что там произошло? Насколько хорошо ты знаешь Симса?

– Плохо. Особенно сейчас. Мы были знакомы в старших классах.

– В старших классах? Интересно...

– Как-то сходили на свидание. – Я чуть не подавилась эвфемизмом. То, что было между нами, свиданием не назовешь.

– Хм, – протянул Оливер, предлагая мне продолжить.

Я передернула плечами:

– Город маленький, все друг друга знают... Итак, к кому едем дальше? К Эдди Ягеру, Олдену Найту или Джейроду Букеру?

– Их ты тоже знаешь?

– Да, встречала как-то. Эти ребята любят играть в бильярд

в «Павильоне» и строить из себя крутых. – Я взяла рацию. – Так чей адрес уточнить?

– Больше всего меня заинтриговала связь Стрикленда с Джори Траан. Давай сначала навестим ее.

Глава 4

Джори

Не стоило столько пить вчера вечером. Заку с бабулей ночью не спалось, и они бесцельно бродили по дому до рассвета. Это значило, что отдохнуть не удалось и мне. От несчастного случая их отделяло всего ничего: Ба могла поскользнуться на половике и что-нибудь себе сломать, а вздумай Зак приготовить перекус, то сжег бы дом. Список возможных бед не позволял мне расслабиться: едва заслышав скрип половиц в коридоре, я вскакивала с постели и бежала на проверку.

Утром, наливая брату стакан холодного чая на кухне, я пыталась не обращать внимания на тупую пульсирующую боль в висках. Зак откусил крошечный кусочек сэндвича и нахмурился:

– Корн... – Вторая часть слова показалась мне невнятным бульканьем.

– Что? – переспросила я.

Его брови сошлись на переносице от мыслительного напряжения.

– Корн... – вновь повторил он и добавил непонятный сдавленный слог.

Я уставилась на лицо брата, сморщенное от недовольства.

– Ба знает, – наконец произнес Зак свою излюбленную

фразу, которую он объединял в одно слово «Базнает».

Я повернулась к бабушке, которая складывала в шкаф высушенную посуду после завтрака.

– Чего он хочет?

– Корнишоны. Он кладет их даже в сэндвичи с арахисовой пастой.

Тайна раскрыта! Я полезла в холодильник за банкой маринованных огурцов.

– Тут нет.

Ба повернулась, нахмутив брови, прямо как Зак совсем недавно. Меня вдруг поразило, насколько они похожи. У мамы тоже было такое печальное выражение лица, особенно на последних стадиях рака, когда она принимала большие дозы болеутоляющих и постоянно пребывала в некой прострации, с затуманенным дымкой сознанием.

– Должны быть там, – заявила Ба, подходя ко мне. Ее тапочки зашлепали по линолеуму, вызывая в моем сознании кучу рыжих кубиков.

– Корнишоны! – громко потребовал Зак.

От его голоса тоже появились кубики цвета бархатцев – оранжевый переходил в желтый. Мой собственный голос был похож на мороженое крем-брюле с карамельными прожилками.

Открыв кухонный шкафчик, я разглядела полупустую банку огурцов на самой верхней полке и торжествующе воскликнула:

– Вот они!

– Странно, – удивилась Ба. – Наверное, Зак не туда убрал. Или она сама, а потом об этом забыла.

– Ты сегодня приняла лекарство?

– Не помню, – пробормотала бабуля.

Я заглянула в таблетницу. Таблетка донепезила одиноко лежала в субботней ячейке. Я передала Ба лекарство и стакан воды. Она нахмурилась:

– Не нравятся они мне, у меня от них сил нет...

– Врач сказал, что они могут подействовать.

– «Могут», а не «подействуют», – с горечью подчеркнула Ба.

– Стоит хотя бы попробовать. Если не ради себя, то ради Зака.

Вызов в ее темно-синих глазах стремительно потух, и она со вздохом протянула руку к таблетке. Правильно ли я поступала, заставляя ее пить лекарства? Врач предупредил, что оно помогает только в половине случаев и даже тогда эффект длится полгода или год. Деменция не лечится.

Не лечатся и аутизм Зака, и мамин рак мозга. Казалось, все Трааны прокляты. По крайней мере, наша линия. Быть может, и моя синестезия являлась следствием некоего сбоя в работе мозга, унаследованного по материнской линии?

Руки невольно потянулись к животу.

В заднюю дверь постучали. Не успела я отреагировать, как скрипнули петли, и в кухню вошел дедушка Бадди.

– Всем доброго утра! – весело приветствовал он и посмотрел на Ба, хмуро уставившуюся на таблетку в руке. – Принимаешь витамины, Оута?

Быстрым движением она отправила лекарство в рот и запила большим глотком воды. Бросив на нас хмурый взгляд, поставила стакан на стол.

– Теперь довольны? – И, не дожидаясь ответа, зашаркала в гостиную.

Дедушка Бадди приподнял бровь:

– Она всегда была сварливой по утрам, даже в детстве. И Тресси тоже. Эти двое каждое утро грызлись, как собаки.

Я с трудом представляла Ба ребенком, тем более что она никогда не рассказывала о своем детстве.

– Она всегда была упрямой?

– Еще какой! – Дедушка бросил на меня любопытный взгляд и кивнул в сторону двери: – Есть минутка?

– Конечно. Сейчас вернусь! – крикнула я бабуле и Заку. – Что такое?

Дедушка достал из заднего кармана бумажник.

– Вот, держи. Поможет вам пережить трудности.

Я приняла протянутый чек, тихонько присвистнув от суммы:

– Тут намного больше, чем...

– Мне вчера звонили из банка. Оута превысила лимит по кредитке.

Я застонала. Похоже, в растущий список обязанностей

придется добавить управление финансами бабули.

– Такого больше не повторится.

– Ты не виновата. Я бы просто перевел деньги на счет, но решил, что тебе нужно быть в курсе ее финансовой ситуации.

Неизвестно, сколько раз за прошедшие годы дедушке Бадди приходилось выручать сестру. Подозреваю, он помогал и другой сестре.

– Спасибо. Вы со Сью не заглянете как-нибудь к нам на ужин?

– Обязательно. Думаю, Сью будет рада отдохнуть от плиты.

Если его жена и испытывала недовольство по какому-либо поводу, то ни разу его не высказала. Бабушка Сью всегда казалась мне статистом, незаметно мелькающим на заднем фоне, пока дедушка Бадди заполнял всю сцену своей харизмой. Обе их дочери внешне и по характеру походили на мать – такие же тихони. Мы с ними никогда близко не общались, поскольку обе они были маминого возраста и уехали из штата много лет назад.

Дедушка пристально посмотрел мне в глаза:

– Если еще понадобится какая помощь, звони.

С этими словами он помахал рукой и сел в свой пикап. Я вернулась в гостиную, где Ба с Заком сидели перед телевизором и смотрели репортаж о сносе здания, временами посмеиваясь.

– Бах! – воскликнул брат, когда строитель ударил кувалдой по стене, проделав дыру в гипсокартоне.

В груди потеплело. Сколько раз я наблюдала, как они вот так вместе смеются?.. К горлу подступил тугой комок.

Позже, во время обеда, раздался звонок в дверь, и в сознании вспыхнули зеленые треугольники. Все мы вздрогнули. Друзья и родственники стучали один раз в заднюю дверь и свободно входили. Тревожные предчувствия снова подняли голову.

– Я открою.

Вытерев вспотевшие ладони о джинсы, я направилась к двери, стойко готовясь встретить плохие вести. На крыльце стояли незнакомые мужчина и женщина. Они носили рубашки цвета хаки и официозного вида нашивки. Копы. В голове тут же возник ворох вопросов. Кто-то умер? У нас неприятности? Может, на нас пожаловались в соцслужбу? Сердце бешено застучало в груди от мысли, что эти люди начнут совать нос в наши личные дела и решат, будто мы создали небезопасную среду для Зака. Что с ним тогда будет?

Первой заговорила женщина; ее голос вызвал сине-серые фигурки в форме елочки.

– Джори Траан?

Я с трудом сглотнула.

– Да. – Ответ прозвучал робко и пискляво.

– Помощник шерифа Блэкуэлл и лейтенант Оливер из департамента шерифа. Мы хотели бы задать вам несколько во-

просов.

– О чем?

– О вашем вчерашнем разговоре с Рэймондом Стриклендом.

Я медленно выдохнула – Зак в безопасности. Когда исчез страх, вернулись манеры.

– Пожалуйста, проходите.

Рэймонд Стрикленд... Какого черта? Может, он разозлился на то, что я вчера с ним заговорила, привлекая внимание задиристых бильярдистов, и потребовал запретить мне к нему приближаться? Ну и ладно. Не больно-то и хотелось вновь встречаться с этим убийцей!

В гостиную вошла бабуля и нахмурилась при виде севших на диван полицейских.

– В чем дело? – требовательно спросила она, скрещивая руки на груди. Ба никогда не отличалась особой любезностью, с подозрением относилась к незнакомцам и тем более к полицейским. А старость и Альцгеймер еще больше заточили острые углы ее характера.

Я ободряюще улыбнулась:

– Они пришли из-за вчерашней драки в баре. Вы с Заком пока доешьте обед, хорошо?

– Не хочу видеть этих людей в своем доме, – презрительно скривилась Ба, а затем бросила на гостей полный недоверия мрачный взгляд и вышла из комнаты. Я виновато улыбнулась полицейским, которые будто не заметили грубости. Ве-

роятно, по долгу службы им и не с таким приходится сталкиваться.

– Что, жалобу на меня накатыл? – спросила я, сразу переходя к делу. – Мы не проговорили с ним и пяти минут. И вообще он заявил, что скоро уезжает из города.

– Никаких жалоб не поступало, – отозвался лейтенант Оливер глубоким баритоном, вызывающим образы спирали из стальной ваты. – Мы просто хотим знать, о чем вы говорили.

Фух! словно гора свалилась с плеч.

– А в чем, собственно, дело?

– Этой ночью Рэймонд Стрикленд был убит, – объяснила Блэкуэлл. Ее пытливые карие глаза внимательно за мной наблюдали.

– Черт! – Меня словно окатили ледяной волной. – Те парни в баре... Я думала, они просто петушатся. Что случилось?

– Идет расследование, – спокойно ответила женщина. – Пожалуйста, поясните, о чем вы с ним беседовали.

От смущения у меня вспыхнули щеки.

– По правде говоря, я немного перебрала. Подруга указала мне на Рэймонда Стрикленда и напомнила, что много лет назад именно он убил моего дядю. Ну, я и решила к нему подойти.

– Как зовут вашу подругу? – спросила женщина, делая пометку в телефоне.

– Дана Адэр.

– Продолжайте.

Я подумала о бабуле, наверняка отчетливо слышавшей каждое слово из соседней комнаты.

– Ну, я... я представилась Стрикленду и сказала, что он, по сути, разрушил жизнь моей бабушки.

Лейтенант Оливер кивнул в сторону кухни:

– Об этой бабушке идет речь?

– Нет. О другой. Сестра бабули, Тресси Энсли, была матерью Джексона Энсли, которого убил Рэймонд Стрикленд.

Даже из соседней комнаты ощущалось недовольство Ба. Мы никогда не вспоминали старое преступление. Бабушка в принципе терпеть не могла, когда семейные дела выставляли на обозрение незнакомцев.

– Как он отреагировал? – спросила Блэкуэлл.

Я горько фыркнула:

– Как и следовало ожидать. Сказал, что не убивал Джексона, что его подставили. Типичный преступник, верно? Можно подумать, я поверила его словам...

Полицейские по-прежнему глядели на меня, ожидая продолжения. Я выпрямилась и развела руками:

– Это всё. Мы разговаривали совсем недолго, а потом подошел Эдди с друзьями. Они начали к нему приставать. Мне, если честно, не по себе... Может, если б я не обратилась к Стрикленду, он был бы сейчас жив.

Вдруг в комнату вошел Зак, взял Блэкуэлл за руку и потянул. Приподнявшись, она вопросительно посмотрела на ме-

ня.

– Пока, – заявил брат, пытаясь провести ее к двери.

– Она еще не уходит, Зак. – Я поспешила к нему и попыталась отвести обратно на кухню. – Чуть позже. Доешь обед, хорошо?

Он покачал головой и громче повторил:

– Пока!

– Ба! – крикнула я.

– Может, продолжим разговор на крыльце? – предложила женщина, мягко высвобождая руку из пальцев Зака. Оба полицейских поднялись с дивана, и я последовала за ними.

– Простите. У моего брата аутизм, он любит придерживаться привычного распорядка, а незнакомцы его тревожат.

– Ничего страшного, – заверила Блэкуэлл. – Вернемся ко вчерашнему вечеру. Мистер Стрикленд не упоминал о каких-либо проблемах? Что вы можете сказать о его состоянии? Вероятно, вы последняя, с кем он разговаривал.

И вновь по позвоночнику пробежала ледяная дрожь.

– Он казался обозленным. Будто презирал всех и вся. Упомянул, что приехал ненадолго, на похороны матери. И что в наших краях пропадают люди.

– Он назвал конкретные имена? – спросил лейтенант Оливер напряженным тоном.

– Нет, он выражался туманно. Разумеется, я предположила, что речь идет о Кормье.

– Мы в курсе этого дела, – Блэкуэлл кивнула. – Что-нибудь

еще?

Я было покачала головой, но замерла.

– Чуть не забыла! Он намекнул, что занят какой-то секретной сделкой. Есть, мол, прибыльное дело, которое нужно завершить до отъезда.

– Секретная сделка? – Блэкуэлл и Оливер синхронно подались вперед.

– Как же он выразился... – Я напрягла память, вспоминая его хитрую ухмылку в баре. – «Частное дельце» – так он это назвал. Я предположила, что речь о наркотиках или о чем-то еще незаконном.

– Почему вы так подумали? – спросил Оливер. – Может, он говорил о документах матери?

Я задрала подбородок:

– Потому что он вел себя до жути скрытно: понизил голос и оглядел помещение. Этот тип хладнокровно застрелил моего двоюродного дядю, вроде как своего друга. Считайте меня циничной, но я ожидала от него самого худшего.

Женщина достала из кармана визитку и протянула мне:

– Позвоните, если вспомните что-нибудь еще.

Копы сели в машину и уехали. Апрельский ветерок трепал мою тонкую футболку. Я потеряла гусиную кожу на руках, тревожась от мысли, что, возможно, я последняя, с кем Рэй общался перед смертью.

«Добро пожаловать на малую родину», – горько подумала я, возвращаясь в дом. Внезапно в нем стало слишком тесно

и душно.

В гостиную сердито ворвалась бабуля, Зак шел за ней по пятам.

– Уехали?

– Да, мэ. – Я предчувствовала, что она вот-вот на меня набросится.

Зак подскочил к окну.

– Уехали! – сообщил он, когда машина скрылась из виду. Хотя его голос, как обычно, оставался безэмоциональным, брат явно был доволен и неторопливо побрел в свою комнату.

Как только за ним закрылась дверь, Ба повернулась ко мне:

– Какого черта ты разговаривала с Рэймондом Стриклендом?!

– Ну, на тот момент мне это казалось важным. Хватила лишнего, – призналась я, криво улыбнувшись.

– Влей в меня хоть весь виски в том баре, я все равно не заговорила бы с этим мерзавцем! Он разрушил жизнь моей сестры. Где твоя преданность семье?

Ее слова меня задели.

– Именно из-за *преданности семье* мой затуманенный алкогольом мозг решил, что обязательно нужно подойти к этому типу и высказать, сколько горя хлебнула бабушка Тресси.

Гнев Ба мгновенно растаял, мышцы в плечах заметно расслабились.

– Хм! Пусть это послужит тебе уроком. Нельзя общаться с отребьем, проблем не оберешься...

– Да, мэм.

– И закроем эту тему.

– Но...

– Никаких «но»! В конце концов Рэймонд Стрикленд получил по заслугам.

Железная логика, не поспоришь. И ее гнев вполне обоснован. Многие считают бабулю холодной и суровой, ведь ее мягкую сторону знала только я. Она ухаживала за моей смертельно больной матерью, а затем воспитала внука с особенностями, никому не жалуясь. Мне никогда не иметь и половины ее стойкости и сострадания. В последнее время я то и дело упивалась жалостью к себе да плакалась перед Даной при каждой возможности.

Нужно трудиться усерднее ради бабули и Зака. Они – моя семья, а в семье заботятся друг о друге, несмотря ни на что.

Глава 5

Джори

Я кралась к выходу, тщательно избегая самых скрипучих половиц. Последний раз я тайком выбиралась из дома в свои семнадцать, но даже столетней старухой не забуду замысловатый танец на цыпочках, к которому прибегала ради Дикона. Наши ночные свидания случались при любой погоде: в жару и дождь, в снегопад и бурю.

Осторожно приподняв щеколду, я открыла дверь. Серебристое сияние полной луны окутало двор и деревья. Фонарик, видимо, не пригодится. Я не чувствовала ни грамма дикого, безудержного возбуждения, как в юности, когда, опьянев от краденной свободы, мчалась сломя голову по лесу. В тайное место, на встречу с Диконом.

Теперь меня одолевало желание окунуться в прошлое. Я заслужила передышку. Мое утреннее волевое решение относиться с бóльшим пониманием к Ба и Заку продержалось лишь до вечера. Наконец-то они крепко уснули. Как только я прилегла в свою старую кровать, меня вдруг накрыла волна мучительной ностальгии и желание вернуться в ветхий сарай на участке Кормье.

За эти годы их прекрасный дом-витрина несколько раз переходил из рук в руки. При каждой смене хозяина здание

теряло частичку бывшего великолепия, пока наконец его по дешевке не выкупил дедушка Бадди для своего туристического бизнеса. Он пытался восстановить солидный вид, чтобы угодить клиентам, однако дом все равно недотягивал до высоких стандартов, установленных Клотиль Кормье. Прекрасный розовый сад зарос сорняками и сереной ползучей⁷. От роз остались только жалкие коричневые коряги. Сам дом потерял современный и цветущий облик. Его интерьер напоминал охотничьи домики: мебель из темного дерева с кожаной обивкой, на стенах оленьи головы и чучела окуней – настоящий зоологический музей. Бывшая хозяйка скривила бы губы, увидев эти изменения.

...Под ногами хрустели ветки и листья. Кустарники цеплялись за одежду и царапали кожу. Давным-давно дорожка была широкой, а теперь едва проглядывала тонкая полоска – природа брала свое, пресекая попытки человека ее укротить. Резкий запах сырой земли смешивался с соленым морским воздухом и сдавливал меня так же, как густая растительность вокруг. Шипы, колючие ветви и острые края листьев сереной резали кожу, словно наказывали за вторжение и гнали прочь.

Даже сейчас, тринадцать лет спустя, я содрогалась, вспоминая, как тогда, невинная и наивная, спокойно шла по этим лесам к дому Кормье, в блаженном неведении о затаившейся опасности. Вдруг я разминулась с похитителем или убийцей

⁷ Сереноя ползучая – род пальмовых растений, широко произрастающих на юго-востоке США в сосновых лесах и вдоль побережий.

всего на какие-то секунды? Или минуты? Или часы? Или он прятался рядом, в тени, наблюдая за мной, готовый перерезать горло, заметить я его?

Стоило благодарить судьбу за то, что я избежала незавидной участи, постигшей Кормье той ночью. И пусть трагедия, разыгравшаяся в прекрасном доме, обошла меня стороной, я жила в полном неведении и смутной тревоге, что кто-то из близких в любое мгновение исчезнет из моей жизни, будучи поглощенным черной дырой тишины.

Мои эмоции совпадали с угрюмой ночной атмосферой, отягощенные невзгодами прошлого и похороненными тайнами. При этом я была решительно настроена вспомнить все хорошее, чистое и полное надежд. Именно там еще жили приятные воспоминания, несмотря на таинственные обстоятельства исчезновения моего возлюбленного. И сегодня ночью хотелось заново пережить каждое свидание, каждый поцелуй, каждое прикосновение и каждое нежное слово, сказанное друг другу.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что едва не врезалась в сарай, некогда служивший коптильней. Всего в паре шагов от меня возникла замшелая стена, освещенная кругляшом света от фонарика. Я провела пальцами по капелькам на заплесневелых бетонных блоках, фонариком обвела контур строения, а затем, оглядев землю на наличие змей, отворила прогнившую дверь.

Внутри было пусто. Осталась лишь замурованная яма в

углу, которую столетие назад использовали для копчения ка-
банины и оленины. Вдоль стены тянулись деревянные пол-
ки. На удивление хорошо сохранился пол. Когда-то миссис
Кормье загорелась идеей переделать сарай в гончарную ма-
стерскую, однако, покрыв земляной пол дубовыми досками
и заказав печи, утратила интерес к проекту.

Я заглянула за яму. Вот оно – некогда спрятанное там гру-
бое шерстяное одеяло. В лицо ударила волна жара, в груди
защемило. Я слегка пнула ткань ботинком – кто знает, какие
твари могли там обосноваться... Но ничего не выскочило и
не выползло, поэтому я присела рядом. Вдруг одеяло еще
хранит слабый запах Дикона? Ведь мы столько ночей прове-
ли в этом сарае... Глупости! Тем не менее я поднесла грубую
ткань к носу и понюхала. Воняло гнилью и плесенью.

Усевшись на пол, я обхватила руками колени и уронила
голову. В памяти всплыла наша первая встреча в этом сарае.
И то, как еще раньше Дикон слегка чмокнул меня в щеку,
высаживая у моего дома; как блестели наши глаза от пред-
вкушения скорого свидания здесь, в укромном местечке, где
можно целоваться и изучать друг друга.

Удивительно, как нас ни разу не поймали.

Не знаю, сколько я просидела там, вспоминая долгие том-
ные поцелуи, жар и будоражащие ощущения от прикоснове-
ний к обнаженной коже; вспоминая пылкие клятвы и обеща-
ния, планы и мечты. Я никогда не сомневалась в любви Ди-
кона ко мне. После его исчезновения ходили слухи о том, что

Кормье сбежали и живут где-то инкогнито, однако я в это не верила. Мы были молоды и опрометчивы, но Дикон никогда, ни за что не вычеркнул бы меня из жизни так жестоко. Он обязательно послал бы мне весточку, предложил бы уехать вместе с ним.

Наконец я медленно поднялась. Спину и ноги свело судорогой от долгого сидения на холоде. Может, продолжить путешествие по воспоминаниям юности и заглянуть в еще одно место, куда я ни разу не возвращалась после исчезновения Дикона? И хотя прошло много лет, мне наверняка удастся отыскать к нему дорогу даже с завязанными глазами.

Я прошла по деревянному полу к выходу; в мрачной тишине эхо шагов напоминало выстрелы.

Нет. Не сегодня. Я еще не готова. Возможно, никогда не буду готова.

На небе уже пробивались алые и фиолетовые лучи расцвета. Нужно спешить домой. Губы скривились в печальной усмешке: сколько раз я говорила себе эту фразу, выходя из коптильни? А мое последнее прощание с Диконом ничем не отличалось от предыдущих – никакого дурного предчувствия или странностей в его поведении, намекающих, что больше мы никогда не увидимся.

Убрав фонарик в задний карман за ненадобностью, я ступила на заросшую тропинку и вдруг заметила краем глаза движение – мелькнувшее серо-оливковое пятно. Резко обернулась – ничего. Через несколько мгновений услышала ти-

хий хруст веток. Некто или нечто в лесу направлялось в мою сторону.

«Некоторые тут вообще исчезают с концами». Горло сжал спазм ужаса, я окаменела, как испуганный кролик перед удавом. Ноги буквально вросли в землю.

Из сосновой рощи вышел человек – мужчина в камуфляже с дробовиком на плече. Судя по разинутому рту, эта встреча удивила его не меньше, чем меня.

Я нервно усмехнулась:

– Ой, точно! На этой неделе начался сезон охоты на индейку, верно?

– Вчера. – Его голос вызывал коричневатые, землистого цвета квадраты. – Мы с приятелями приехали из Ветумпки. Охотимся тут втроем. Будьте осторожны, мисс.

– Вы правы, спасибо за предупреждение.

С началом сезона охоты на индейку и за полтора месяца до Дня благословения флота ожидается наплыв охотников и туристов.

Ежегодный праздник благословения флота в Энигме стал крупнейшим событием в городе. Когда четыре года назад дедушку Бадди избрали в окружной комитет, он всякий раз старался возложить организацию городских праздников на меня. Как и сейчас. Прибыль от организации праздников превысила все ожидания, но и церемония благословения также играла большую роль в моей карьере.

– Удачной охоты. – Я махнула рукой и поспешила вер-

нуться домой до того, как Ба с Заком проснутся, не горела желанием болтать с вооруженным незнакомцем в глухом лесу.

Охотник дернул козырек камуфляжной кепки и в мгновение ока исчез – бесшумно и незаметно. Я вскинула брови – с какой удивительной скоростью незнакомец растворился в зеленой листве, – затем пошла по тропинке, создавая куда больше шума, чем охотник: вдруг его товарищи бродят поблизости? На повороте тропы оглянулась на коптильню, видневшуюся в свете зарождающегося утра.

Несмотря на сокровенные обещания и долгие беседы с Диконом в этом старом сарае, осталась некоторая недосказанность. Слова, не слетевшие с губ. Глубочайшие тайны, разрывавшие меня изнутри.

Глава 6

Джори

– Вообще-то он приемный.

Эту бомбу сегодня ни с того ни с сего бросила бабуля.

Я везла ее к давней подруге, Роуз Сэнки. И хотя старушка полностью не оправилась от прошлогодней операции на бедре, сознание у нее оставалось ясным, как стеклышко. Ба часто помогала ей по хозяйству. Они обменивались сплетнями, а затем усаживались за стол играть партию нескончаемой карточной игры. Роуз окружала Ба заботой, и та могла развеяться, а я оставалась спокойна.

– Э-э... что-что?

– Джексон. Его усыновили.

Я уставилась на бабулю, разинув рот:

– Почему я лишь сейчас об этом узнаю?

– Ну, ты сама поинтересовалась.

– Пару дней назад? – Я нахмурилась, сворачивая на перекрестке.

– Да нет, – возразила Ба, повысив голос, – только что!

Ничего подобного. Еще пару секунд назад я мысленно прокручивала планы на неделю. Пока Зак в центре, у меня появилось время поработать. Однако, если поправить Ба, она вспылит.

– Почему ты раньше не рассказала об этом? Что тут особенного?

– Для Тресси это было важно. Они с Арди годами пытались завести ребенка, но тщетно.

– Я имею в виду, к чему секретность?

Ба провела по лбу рукой. Кожа на пальцах истончилась и стала прозрачной, как пергамент. Именно руки больше всего выдавали ее преклонный возраст, хрупкость и уязвимость.

– Ну, ты же хотела знать, каким он был, – проворчала бабушка.

Я молча ждала, когда она продолжит рассказ, пусть и в невнятной, запутанной манере.

– Дрянной был мальчишка, – наконец проговорила она. Так тихо, что мне даже пришлось наклониться, чтобы слышать. – Я всегда говорила, что у него дурные гены.

Вряд ли справедливо винить в поведении Джексона наследственность, однако спорить по этому поводу с бабушкой было бесполезно.

– В каком смысле дрянной? – спросила я, когда молчание затянулось.

– Постоянно врал. А когда его ловили на лжи, умудрялся обвести Тресси вокруг пальца. Думаю, Арди начал понимать настоящую природу Джексона, когда тот подросток.

– О чем он врал?

– О наркотиках, воровстве, потасовках. – Ба поднесла ладонь ко рту и покачала головой: – Ну, довольно о нем.

Она упрямо хранила молчание до самого дома Роуз. И уже потянувшись к дверце, заглянула мне в лицо серьезным, ясным взглядом:

– Не копайся в прошлом, Джори. Ничего хорошего из этого не выйдет, помани мое слово.

– Почему? Та история давно быльем поросла.

К моему удивлению, на ее глазах навернулись слезы.

– Ладно, – поспешила заверить я, похлопав ее по руке. – Больше не буду спрашивать о Джексоне.

Вздохнув, Ба слегка кивнула и выбралась из машины. Я проследила, как она прошаркала по дорожке и постучалась. Роуз открыла дверь и помахала мне рукой.

Мне не впервой лгать Ба. Зачем понапрасну ее беспокоить?

...Минут через десять меня каким-то ветром занесло к бабушке Тресси в элитный частный дом престарелых «Магнолия-Оукс» – спасибо щедрости бабушки Бадди. От огромного здания веяло великолепием. В комнатке бабушки были полированный пол из красного дерева, лепнина на потолке и кирпичный камин. А уют создавали горшки с цветами, вязаные покрывала, стопки книг и несколько фотографий. У нее даже имелась личная ванная комната и кухонный уголок.

Обычно разговор с бабушкой Тресси либо совершенно не клеился, либо лился рекой. Порой ее сознание окутывал плотный туман, сквозь который было почти невозможно пробиться, а иногда в голове наступало прояснение и она

охотно болтала о былых временах. Сегодня бабушка зависла между этими двумя состояниями. Она сидела в откидывающемся кресле и занималась своим любимым занятием – перебирала пухлую пачку фотографий и пожелтевших бумаг. При моем появлении ее губы расплылись в слабой улыбке, но затем хрупкая рука испуганно взметнулась к волосам:

– Боже! Сегодня разве к парикмахеру? Я не собралась!

Ее голос приобретал форму золотисто-янтарных кубиков, похожих на замороженный мед, – тот же жизнерадостный оранжевый цвет, что и у остальных моих кровных родственников, только более мягкого и глубокого оттенка.

– Нет, мне просто захотелось заглянуть к вам ненадолго. – Опустившись на диван рядом с креслом, я указала на ворох бумаг: – Что смотрите?

Бабушка с удовольствием протянула мне черно-белую фотографию молодой пары, стоящей на берегу с пухлым младенцем на руках.

– Джексону семь месяцев. Его первая поездка на пляж.

– Хм, здорово!

– А тут ему три года, играет с конструктором. Такой милый карапуз!

Я закивала, хотя видела все снимки уже десятки раз.

– А что за старые письма?

– У меня когда-то была подруга по переписке из Германии, Энн Мари. Ее отец служил в армии, а она училась в американской школе. В наши дни люди обмениваются пись-

мами?

– Не-е. – Я улыбнулась. – Появилась такая штука, как интернет, и все мы общаемся в социальных сетях.

Старушка вскинула брови, глядя на меня круглыми глазами, и я подавила смех. Несмотря на тесные родственные узы, Ба с Тресси сильно отличались. Первая удивительно ловко управлялась со своими гаджетами, а вторая даже не знала о существовании интернета.

– Вообще-то, я хотела поговорить о Джексоне. Сегодня Ба случайно проболталась о том, что его усыновили. Почему мне никто не сказал раньше? Это секрет?

Бабушка Тресси заерзала в кресле.

– Наверное, мне не стоит об этом болтать...

– Но почему?

– Дело провели по-тихому. – Ее глаза затуманились дымкой воспоминаний. – И быстро. Нам не пришлось обращаться в агентство по усыновлению и ждать месяцами или даже годами. – На ее губах сверкнула торжествующая улыбка. – Как только мы решили завести ребенка, сразу появился наш Джексон.

– Если вы не обращались в агентство, тогда как...

– Миссис Энсли? Пора... – В палату вошел медбрат и резко остановился, увидев меня. – Простите, не знал, что у вас гости. Мы можем перенести встречу с соцработником.

Меня охватила досада. Хотелось выведать больше информации.

– Какую встречу? – Она нахмурилась.

– С миссис Прескотт. – Медбрат повернулся ко мне, чтобы объяснить: – Соцработник каждый месяц опрашивает всех постояльцев на предмет жалоб и пожеланий. Можно перенести встречу на более позднее время.

Поднявшись, я выдавила из себя улыбку:

– Нет, не хочу нарушать распорядок.

– Ну, если вы настаиваете...

Он протянул Тресси руку, и старушка вновь нахмурилась:

– Куда мне нужно?

– К миссис Прескотт.

– А мои вещи... – Она указала на разложенную на коленях макулатуру.

– Не волнуйтесь, я уберу.

– Ну, если тебя не затруднит... Они хранятся в сундуке у телевизора.

– Поняла. Теперь идите, а я загляну к вам в следующий раз, и мы вволю поболтаем.

Помахав бабушке на прощание, я подошла к старомодному сундуку для приданого, где хранились всякие памятные вещицы. Крышка со скрипом открылась, и нос уловил слабый аромат кедра и сухих лепестков роз. Сложив бумаги в верхний выдвижной ящик, я замерла. Вдруг этот сундук скрывает ответы? С опаской обернувшись, я поняла, что меня никто не увидит, ведь дверь закрыта. Когда еще представится такая возможность?

Отодвинув в сторону фотографии, просмотренные уже сотню раз, я зарылась глубже в поисках неизвестно чего. Так... фотоальбомы, пачки документов, какие-то конверты, табели успеваемости Джексона в школе. Наткнувшись на снимки молодой Ба с моей мамой – еще до рака, до моего рождения, – я улыбнулась. Она выглядела беззаботной и счастливой, ничем не обремененная и не потрепанная жизнью. Затем мне попался большой желтый конверт с документом. Сердце бешено заколотилось, когда я узнала свидетельство о рождении и прочла:

Джексон Эрл Фэрхоуп

Родился: 13 марта 1975 года

Вес: 2300 г

Больница: «Мобил Дженерал», г. Мобил, штат Алабама

Отец: неизвестен

Мать: Грейс Ли Фэрхоуп

Сфотографировав свидетельство, я продолжила рыться в поисках документов о частном усыновлении, но ничего не нашла. Если они когда-либо и существовали, бабушка Трес-си их не хранила.

Грейс Ли Фэрхоуп. Из Мобила. Туда ехать меньше часа. Вдруг биологическая мать Джексона все еще там живет? Черт возьми, попробовать-то стоило! Я ввела ее имя и город в поисковик: появились ссылки на газетные статьи. На первой черно-белой фотографии в камеру смотрела женщина с

пустым взглядом. Худое лицо с выступающими скулами обрамляли редкие всклокоченные волосы, сухие губы потрескались.

«Женщина из Мобила обвиняется в проституции и хранении наркотиков», — гласил заголовок.

В статье упоминались и предыдущие аресты Фэрхоуп за те же преступления тридцатилетней давности. Неудивительно, что Джексон родился таким маленьким, если его мать употребляла запрещенные вещества во время беременности. Может, в дальнейшем это повлияло на появление преступных наклонностей?.. Меня съезжило от стыда. Нельзя так думать. Люди выше своей природной сущности. У них есть свобода воли и право выбора.

Последний раз Фэрхоуп арестовали четыре месяца назад. Тоже в Мобиле. Если выехать немедленно, управлюсь до возвращения Зака домой. Мое тело вновь включило режим автопилота. Я неслась по шоссе. Навигатор вел на восток, к дому незнакомой женщины. Чего, черт возьми, я добиваюсь? Я руководствовалась одним лишь подозрением, что убийство моего двоюродного дяди как-то связано с исчезновением Дикона. А возникло оно исключительно из-за слов Рэймонда Стрикленда, источника весьма ненадежного. И все же я мчала вперед. Из захолустного байу в крупный центр.

Небо налилось свинцом, облака неистово крутило капризными ветрами с моря. Моросил дождь, и шоссе стало скользким.

Навигатор успешно вывел меня на окружную дорогу, ведущую в незнакомый жилой район. Я ожидала увидеть улицы, кишашие преступниками и наркоманами, пообещав себе свалить отсюда при малейшей опасности. В конце концов, с Грейс Фэрхоуп можно побеседовать и по телефону. А ведь еще нужно придумать, как подступиться к женщине, если каким-то чудом она до сих пор проживает по указанному адресу. Но мозг отказывался работать из-за длительного напряжения.

Придется импровизировать.

Пункт назначения приятно удивил. Я словно перенеслась в пятидесятые годы, до того как в моду вошли современные однотипные дома или просторные ранчо: компактные домики с индивидуальным дизайном тесно прижимались друг к другу. Дороги делили район на квадраты. Дворы затеняли статные магнолии и вечнозеленые дубы; некоторые настолько разрослись, что корни выступали на подъездные дорожки и тротуары, а ветви возвышались над крышами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.